

The image depicts a dense, industrial environment, possibly a control room or a laboratory. The scene is filled with various mechanical components, including pipes, valves, gauges, and electrical panels. A prominent feature is a large, glowing sphere of bright yellow and white energy, composed of numerous overlapping, shimmering lines that create a sense of intense power and complexity. The lighting is warm and focused on the central sphere, casting long shadows and highlighting the metallic surfaces of the machinery. In the top right corner, there is a circular badge with the text '18+'.

18+

ОБЪЕКТ

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА

Елена Григорьева

Объект

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56435723

SelfPub; 2020

Аннотация

Первый приходит в себя за решёткой. Он – парень без имени и прошлого, с кличкой по рангу выживаемости. Вокруг такие же подопытные, как он. Их вводят в медикаментозный транс, сшибая в схватке за жизнь. Медленно возвращаются воспоминания. Вопреки ужасу и отвращению, Первый пытается спастись. Но всё идёт не по плану. Он попадает в одну связку с настоящими профи. Это спецы в областях, к которым вышестоящая сила питает живой интерес. Вскоре им предстоит применить свои особые навыки. Первый стремится к свободе. Его тюремщики жаждут заполучить некий артефакт. Можно ли противостоять силам совершенно иного порядка? Спасётся ли Первый? Узнает ли, кто он такой и что такое Объект? Сможет ли прорваться на волю сквозь препятствия, созданные нечеловеческим разумом?

Содержание

Глава 1. Первый	4
Глава 2. Ханни	30
Глава 3. Другие	57
Глава 4. Речь Кэпа	78
Глава 5. Подготовка	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Елена Григорьева

Объект

Глава 1. Первый

Первый был в своей камере – растянулся на жёстком матрасе, но так и не смог сомкнуть глаз. Ни шороха, ни звука не доносилось из полутьмы, только в клетке напротив тихо бредил Седьмой. Они остались вдвоём, а скоро, Первый знал это, он будет совсем один.

Он не помнил своего имени, не представлял, сколько ему лет, не знал ничего, кроме этих стен, на которые сквозь решётки ложились тусклые голубоватые блики. Под ногами был пыльный пол, иногда закапанный кровью и истоптанный десятками ботинок – высоких, на ребристой подошве, которая так больно врезается в поясницу, в живот и в спину... Но он научился правильно себя вести. В общем-то, он всегда это умел, даже когда ещё не догадывался о том, кто он. Вернее, о том, кого из него хотят сделать.

Сначала их было двадцать. Двадцать молодых парней – тощих, забитых, запуганных, брошенных в эти камеры, где пахло кровью и хлором. Иногда их водили в санчасть и мыли под ледяными струями воды, а затем – обратно в тюрьму, где кормили какой-то безвкусной, но очень питательной сме-

сю. А раз или два в неделю (время Первый вскоре научился считать) их выдёргивали из-за решёток. Орущих, плачущих, упирающихся их волокли в лабораторию. Собственно, даже не в лабораторию, а в анфиладу сообщающихся кабинетов, где всем заправлял доктор Толь.

Там их пристёгивали к креслам и смазывали сгиб локтя спиртом, чтобы вогнать в него стальную иглу. Ничего особенного, просто немного больно. Затем док отступал назад и ждал, пока Первого (или любого другого из «мальчиков») не скрутят страшные спазмы, унося их куда-то в вихре жёлто-зелёной мути. Всё в голове вертелось, и Первый проваливался в ничто. А потом вновь оказывался в своей камере, по соседству с другими такими же – ворочающимися, стонущими, тяжело приходящими в себя «пациентами».

Поначалу в памяти Первого не откладывалось ничего. Разрывалась цепочка событий. Первый не знал, что он делал или что делали с ним, когда он находился под действием Препарата. Как не знали и остальные «мальчики». Но то был лишь начальный этап, как потом объяснил ему док. В этот период сознание раздроблено. То, что из него вытаскивают, живёт само по себе, не имея никакого отношения к личности подопытного. Это как бы новая личность. Она действует независимо от основной и содержит в себе только то, что в неё систематически вдалбливают и что вытягивают. А вытягивали здесь из «мальчиков» скрытые таланты.

Для них это были абсолютно новые умения, о которых в

своём обычном состоянии никто из них не подозревал. Хотя, собственно, тогда из их двадцатки никто вообще ни о чём не подозревал, потому что ничего не помнил. Даже ходила мысль, что их всех создали искусственно.

Насчёт этого Толь сказал: «Чушь! Просто шок в сочетании с психологической обработкой. Ничего сложного». А вот таланты у них были и правда уникальными. Раньше ни в ком из «мальчиков» не было никаких предпосылок. Например, неуклюжий, грубый и вообще какой-то дурной Пятый вдруг оказался потрясающим художником. Он создавал орнамент поразительной красоты на огромных площадях, хоть нигде этому не учился и даже не знал значения слова «орнамент».

Вначале Пятый работал где-то в закрытых помещениях. Потом доку Толь взбрело в голову, что «экземпляр не опасен и нуждается в социальном поощрении». Вскоре Пятый свободно ползал по стремянкам в коридорах тюрьмы, покрывая её стены узорами.

Потом Пятый исчез. Может, его действительно, как говорил Толь, приспособили под разработку нового военного камуфляжа. А может, и нет. Может, просто избавились от него, как от многих других «ненужных». Или что-то пошло не так, как было с несчастным Седьмым.

Тоже простой, нескладный, но очень милый парень, который поначалу и двух слов-то связать не мог, под действием Препарата научился просто самозабвенно врать, придумывать.

мывая совершенно удивительные ситуации и байки. Оставалось лишь поражаться тому, откуда у него взялся такой шикарный словарный запас, а ещё – знание специфических областей вроде симптомов болезней. Пару раз ему даже удавалось убедить охрану снять с него наручники и выпустить из камеры. Он, наверное, мог бы сбежать, но вот только всегда возвращался.

Иногда Седьмой наткнулся на доктора Толя, и тот вразумлял его, проводя обратно в камеру, а иногда и попросту на сообразительного охранника, и тот вталкивал его за решётку пинками. Но иногда... иногда Седьмой погружался в какой-то глубокий транс. И отнюдь не бредовый, а сложный, содержащий серьёзные размышления. В результате он приходил к выводу, что всё бессмысленно, и, очнувшись от ступора, сам плёлся назад в свою камеру.

Теперь Седьмой пребывал в транс постоянно – его размышления стали потоком сплошного бреда, текущего из слюнявого рта. Его бедная голова с колтуном каштаново-рыжих волос перекатывалась по матрасу, порой свешиваясь вниз и ударяясь об пол.

Почему док от него не избавился? До последнего надеялся, что сможет вернуть его в адекватное состояние? Верил, что сломался не сам Седьмой, а какая-то ошибка закралась в финальную смесь Препарата? И вместо «слияния сознательного и бессознательного» приключилась психическая катастрофа, которую ещё можно исправить? Но Седьмой мед-

ленно умирал, и надежды дока таяли на глазах. Нет, почему Толь от него не избавился, как от остальных «неудачных»?

Далеко не у всех подопытных скрытые таланты были качеством положительным и вообще как таковыми талантами. К ним, например, сложно было отнести самозабвенное выдавливание прыщей, скovyривание нарывов, выщипывание бровей и ресниц, а то и поедание фекалий. От таких «мальчиков» сразу избавлялись. На их место приходили другие, занимая очередь в хвосте длинной вереницы «пациентов». Так, собственно, Первый и стал Первым, а Седьмой – Седьмым, и была между ними цепочка промежуточных номеров, ранжированных по силе умений.

У Первого был особый талант. Талант убивать. И об этом он узнал, когда к нему начали возвращаться воспоминания. Он видел во сне, как ломаются кости, раскалываются черепа, глаза вываливаются из орбит, а чьи-то напряжённые руки бьют, душат и вырывают жилы. Его руки. Руки Первого, налившиеся силой, покрывшиеся рельефом мускулов и узором вен.

Поначалу он думал, что это просто сны. Потом – что результат какой-то сложной симуляции с применением галлюциногенов. Что образы крутятся в его голове, пока он сидит, прикованный к креслу ремнями, под действием Препарата и взгляда безжалостного дока Толя.

Но он ошибался. Вскоре он всё понял. Его тело ныло, покрываясь ссадинами и синяками, а воспоминания станови-

лись всё чётче, посещая его уже не во сне, а наяву.

Вот Первый стоит перед дверью со скованными за спиной руками. Его грудь часто вздымается, а ноздри трепещут от ярости и предвкушения. Щелчок – и запястья свободны. Дверь открывается, и Первого вталкивают в комнату.

Там полно людей. Люди грязные, краснолицые, вонючие, их лица заросли клочковатой бородой. Но Первый совсем не уверен, что там только мужчины. Они просто лежат на полу, обхватив голову руками, или сидят, покачиваясь и злобно глядя на Первого.

Он делает шаг вперёд. Кто-то грозно поднимается ему навстречу. Хруст дробящихся костей – и человек падает, начисто лишившись лица... Удары, тяжёлое дыхание, крики... К концу комната завалена трупами и пропитана резкой вонью крови и испражнений. Посреди всего стоит Первый. Его грудь раздувается уже не так сильно, а тело измазано кровью, но кровь не его. Ткань разодранной майки промокла и липнет к телу. Первый смотрит в глазок камеры под потолком, ничего не понимая.

Комнату открывают, в неё входит сам Толь. Он шагает к Первому, светит ему фонариком в зрачки, считает пульс. А потом бесстрашно и звонко хлопает его по плечу.

– Молодец, Первый! Хороший мальчик!

Сзади опасно мнутя тюремщики. Сейчас они очень боятся Первого и не станут его обижать. Это потому они могут бить его и всячески измываться над ним, поливая ледяным

душем и заталкивая обратно в камеру... Вскоре Толь это прекратит. Вскоре мўки Первого кончатся, но пока... Пока это зачем-то нужно. Как нужны и эти побоища, которые потом вспомнит Первый.

– Анатолий Евгеньевич, к вам можно? – раздаётся за дверью дурашливый женский голос. – Ого... Толь... Какая красота!

Маленькая черноволосая женщина сверлит Первого взглядом смеющихся голубых глаз.

– Ну чего тебе, Ханни? – в тон ей отвечает Толь, нисколько не опасаясь поворачиваться к Первому спиной.

И он вовсе не огорчён, что с подачи Ханни никто к нему больше не обращается по полному имени. Теперь все его зовут Толем. Господин Толь, доктор Толь или просто Толь в разговорах между собой. Неотразимому Толю лет пятьдесят, и он излучает какой-то несминаемый авторитет, стопроцентное чувство превосходства и уверенности в себе. Его слушаются все – и солдаты, и самые буйные «мальчишки».

А вот Ханни здесь называют «товарищ командир». Это жена Толя. И Первый пока не узнал её настоящего имени. «Может, Ханна? – думает он. – Или Ханни – просто ласковое прозвище?» Это её ботинок чаще всего врежется под рёбра Первому и остальным «мальчишкам».

Ханни тоже его не боится. Перешагивая через кучу тел, она подходит вплотную и заглядывает ему в глаза. Ловит запах его дыхания. Или жадно втягивает носом вонь забрыз-

гавшей его крови. Между ними всего пара сантиметров – её макушка с косым пробором едва не утыкается Первому в подбородок.

Он мог бы свернуть ей шею. Мог бы раздавить её гортань и вырвать её наглый язык. Но это не так-то просто сделать, как кажется, в чём уже убеждались другие «мальчики». Да и Первый сейчас в прострации: чувствует на себе повелительный взгляд доктора Толя.

На него смотрит и Ханни. Её хитрые голубые глазки лучатся весельем, и две тонкие морщинки у рта изгибаются в хищной улыбке.

– М-м-м, какой чудесный экземпляр... – говорит она, вдруг поднимая руку и дотрагиваясь до его груди.

Её палец трассирует линию его ключиц, скользит по впадинке между грудными мышцами, идёт дальше. Аккуратно подпиленный ноготь надавливает на затвердевший сосок и спускается до ямки пупка.

– А так ли он хорош? Только... этих может сделать, или... Я проверю?

– Не надо, Ханни, – терпеливо отвечает Толь. – Ещё рано. Он перехватывает её маленькую кисть, запачканную теперь кровью, и мягко оттягивает от Первого.

– Пойдём...

Толь обнимает Ханни и уводит её из комнаты. А Первого погоняет в душ слегка осмелевший конвой. Вскоре Первый уже лежит на матрасе, успокаиваясь и почти забывая всё. А

ночью случается неожиданное. К нему в камеру приходит Ханни.

Первый просыпается от невесомого прикосновения. Он вскакивает, садясь на матрасе, и оказывается нос к носом с нею. Он растерянно смотрит в подсвеченное тусклым галогеном лицо, узнавая его.

Ханни не даёт ему раскрыть рта. Зажав его губы сильной прохладной ладонью, она толкает его на матрас и расстёгивает на себе китель. Под кителем ничего нет, и Первый (возможно, впервые) видит маленькую женскую грудь с острыми тёмными сосками. Он хочет оттолкнуть Ханни, хочет повалить её на пол и бить, бить, бить, превращая в кровавую кашу её вечно смеющееся лицо, но выходит нечто иное. Он чувствует что-то странное внизу живота, и, подмяв под себя Ханни, зачем-то сдирает с неё остатки одежды.

Запрокинув голову, Ханни тихонько хохочет, позволяя Первому делать с ней всё, что вздумается. И он тыкается в неё носом, ртом и другими частями тела, судорожно вдыхая её хорошо знакомый запах. От шорохов и стонов просыпаются подопытные в соседних камерах. Они видят всё сквозь прутья решётки. Но Ханни и Первому уже на это плевать – они конвульсивно сплетаются вместе под сильные смешки, улюлюканье и свист.

Первый не знал, что подумал бы об этом Толь. Но охраны в ту ночь рядом не было, а какая уж вера словам других

«мальчиков»? Но Первый подозревал, что док знал обо всём. А может, это была его идея?

Дальше всё шло по-прежнему. Опыты продолжались. Их оставалось семеро. И двое других стали почти такими же, как Первый.

Новые Второй и Третий тоже дрались. Только Второй – не голыми руками. Ему требовалось оружие или хотя бы подручные предметы. А Третий любил нападать исподтишка. К примеру, со спины, и док никогда об этом не узнал бы и отбраковал его, если б не случай. Как-то раз Третий прихворнул, и его всё-таки отвели в медчасть. Там он устроил настоящий судный день ни в чём не повинному медперсоналу.

Несмотря на садистские сдвиги в психике, Третий был доступен для общения. И Второй по ночам уговаривал их с Первым бежать, уже не особо рассчитывая на слабеющего Седьмого. Или на Шестого, который оказался спецом по взлому. Тот мог вылезти из любых наручников и открыть любую дверь, но его всё время держали в хитрой смирительной рубашке.

Первый ответил, что их, возможно, подслушивают. Наверняка в клетках есть микрофоны и скрытые камеры. Но не отказался участвовать, потому что ему было всё равно. Когда он осознал то, что делал под Препаратом, он страстно захотел или выбраться отсюда, или умереть. Но ему не дали разбить себе голову о прутья решётки.

Они со Вторым и Третьим договорились: если их вместе

поведут в лабораторию, они вырвутся из ремней и убьют любого, кто встанет у них на пути. При этом Первый избегал конкретики, а вот Третий со Вторым хотели смерти Ханни и Толя. Они не особо верили, что смогут прорваться к свободе сквозь цепь вооружённых солдат, но решили отомстить за себя, а возможно, покончить и здесь со всем, убив дока.

«Мальчиков» иногда выводили из камер одновременно: когда сталкивали в драке друг с другом. Зачем – неизвестно. Может быть, из праздного любопытства. И док всегда оставливал их, чтобы не допустить увечий.

Однажды очередь выпала Третьему и Второму. Их вывели в коридор, а Первый вцепился в прутья решётки, не понимая, чего больше боится: что они не вернуться, или что ему никогда уже не увидеть Ханни и дока...

Потом к нему приходила Ханни. Рассказывала, что её тогда рядом не было, но ведь и Толю палец в рот не клади. Второй высвободился из ремней, едва ли чисто случайно затянутых не до конца. Создав суматоху, Второй дал бы время Третьему подготовиться, и тот пришёл бы на помощь, выскочив исподтишка. Доктор Толь был отличной мишенью: он как раз отвернулся к столику с ампулами и шприцами.

Второй схватил Толя, зажав сгибом локтя его шею и прикрывавшись им от охраны.

– Пропустите, или я убью его! – заорал он, взяв со столика какой-то шприц и приставив его к горлу Толя.

– Не стрелять!.. – прохрипел док, находя взглядом лица

охранников.

А его рука юркнула в карман халата, где давно завалялась авторучка. Толь всадил её Второму в шею. От удара с ручки слетела заглушка. Стержень выдавило, и полая трубка послужила отличным дренажем. В воздух брызнула алая струя артериальной крови.

Хватка Второго ослабла. Всего на миг, ведь он был вынослив и натренирован терпеть боль. Но Толю хватило и этого, чтобы вывернуться и оттолкнул его. Ну а там Второго скрутили шустро подскочившие солдаты.

Третий успел отстегнуться, но Толь был уже тут как тут и вколол ему двойную дозу Препарата. К сожалению, организм Третьего оказался не готов к «слиянию». Тело его пошло судорогами, изо рта полилась пена.

Толь не любил ошибок. Целый час он бился над Третьим, подключив его к аппаратам и пытаясь вернуть к жизни. Но тщетно. Третий умер. И Второй истёк кровью, не дотянув до медчасти.

Толь был зол. А вот Ханни всё веселилась. «Ты наш самый сильный мальчик!» – приговаривала она, развлекаясь в камере с Первым под жалобный бред Седьмого и вздохи Шестого, связанного ремнями хитрой самозатягивающейся смирительной рубашки.

Вскоре умер Четвёртый – молчаливая гора мышц – поднимавший огромные тяжести, но утративший способность

к мышлению. А Шестой начал шёпотом объяснял Первому, как выворачивать сустав большого пальца, чтобы высвободиться из наручников.

Наконец Первый решился. В следующий раз, когда за ним пришли и повели его по коридорам, он ухитрился вывихнуть сустав. Раздался хруст. Первый зашипел от боли, но вырвался и обрушился на охранников. Одному из них он пробил голову, и тот мешком осел на пол. Тут же лягнул другого, впечатав его в решётку. За прутьями взвизгнул Седьмой, глядя, как по ним течёт кровь вперемешку с мозгами.

Первый сорвал с трупа связку ключей. Чертыхаясь, он всё же ухитрился отпереть камеру. Но Седьмой так и не вышел наружу, жалобно поскуливая в углу. Тогда Первый рванулся к Шестому. Под скрежет зубов он с треском разодрал на Шестом ремни, вздёрнув его на ноги. Тот, шатаясь, поплёлся за Первым под вой аварийной сирены.

Им удалось дойти до третьих железных ворот. Шестой ловко орудовал ключами и подбирал коды безопасности, быстро отпирая двери. А Первый дрался с охраной, укладывая на пол трупы и отчаянно защищая Шестого. Ещё он всё удивлялся, почему солдаты не открывают огонь. Сам он пристрелил нескольких из отнятого у них оружия, но вот в «мальчиков» никто не стрелял. Видно, сильна была выдержка солдат. Или, может, их страх перед Ханни и доком.

Потом появился сам Толь.

– Ну тише, тише... – скорбно зацокал он. – Ну зачем ты

так, а? Ну, Первый? Успокойся... Пойдём просто поговорим...

И Первый замер. Даже не из-за солдат с винтовками за спиной у дока. Нет, этот человек – в безупречном костюме и белоснежном халате, накинутом поверх него, с пронзительными глазами цвета полированной стали, глядящими так спокойно и властно, с бархатным голосом, льющимся из тонкогубого рта, – был для Первого аварийным стоп-краном. Он сразу же обмяк, выпустив из рук полупридушенного охранника, и тот с хрипом брякнулся на пол.

Первый ещё оглянулся на Шестого. И тот ответил ему таким горьким взглядом, что Первому стало стыдно. Он всё понимал, но поделать ничего с собой не мог. Он шагнул навстречу Толю, а тот ласково улыбнулся и обнял его. Док повёл его в лабораторию, а следом поплелись солдаты. Шестого тоже увели. Первый так и не узнал, куда.

В лаборатории Толь, как ни странно, не стал пристёгивать Первого к креслу и накачивать Препаратом. Нет, он усадил его на мягкий диван, сам опустился рядом и велел охране удалиться. Он снова приобнял Первого и стал подробно рассказывать, зачем нужно то, что творят над ним.

– Знаю, тебе противно и больно, – говорил он. – Сейчас ты просто... объект наблюдений. Но представь... Ещё немного, и ты станешь идеальным солдатом. Удивительно сильным, умным, со сверхбыстрой реакцией. Тебе не нужно будет оружие. Ты, как и Шестой, сможешь проникнуть ку-

да угодно... Справиться с кем угодно голыми руками и уйти невредимым... Да-да, ты всё это сможешь, пусть об этом ещё и не знаешь. Ты не помнишь, но мы проводили тесты. В том числе и тесты ай-кью. У тебя замечательные показатели, Первый, хоть пока они стимулированы Препаратом. Но ещё процедуры две-три, и... Ты станешь «цельным». Все твои умения сольются в тебе одном... Ну представь, как много добра ты принесёшь людям! Например, сможешь пробраться в лагерь террористов. Спасти заложников без лишних жертв. Или предотвратить военную атаку, проникнув на базу противника... М-м-м? Подумай, как много пользы!.. Ну зачем же мешать нам делать из тебя такого бойца?

И Первый слушал, смущённо кивая и что-то мыча себе под нос. А потом на него навалилась ужасающая усталость. Кажется, он уснул прямо на плече Толя.

Проснулся он в своей камере, и теперь рядом был лишь Седьмой. И Первый всё удивлялся, почему он до сих пор жив, а не разобран на части для каких-нибудь страшных опытов. И почему он по-прежнему остаётся самим собой. Как он попросту не испарился, не утратил собственное я, искусственно подменённое какой-нибудь другой личностью.

Он много размышлял. К нему приходили новые воспоминания. И сейчас, не находясь под обаянием Толя, он понимал, что всё это вранье. Что у дока какие-то другие, и отнюдь не гуманные планы. Первый думал о том, что же ещё можно

сделать, как всё это прекратить. Он стал слушать, стал меньше забывать, стал замечать каждую деталь.

И вскоре он уже знал, что Ханни на базе почти всегда, а вот док часто улетает на научные семинары и встречи. Но и Ханни иногда отлучается с базы по административными делами.

А потом Первого начали выводить на улицу. На прогулки, а порой даже на пробежки по периметру маленького двора, стены которого поверху были забраны колючей проволокой. И он, возможно, впервые за всю свою жизнь вдыхал терпкий аромат хвойного леса, смотрел на островерхие кроны и в синеву неба над ними, слышал рокот двигателей машин, ползавших где-то далеко.

Первый понял, что пока ему не сбежать. Вокруг сторожевые вышки со снайперами. Но если он и прорвётся, то что станет делать в этом большом незнакомом мире, захваченном людьми с оружием?

Мысли Первого становились яснее. Он уже помнил всё: как убивал, как отвечал на вопросы на скорость, как сопоставлял картинки на светящихся мониторах. Он начал задумываться о том, как именно на него смотрит Толь. Во взгляде дока сквозило уже не одно превосходство, уже не ледяное презрение к «пациенту», а какая-то жаркая увлечённость – как будто бы новой, хитрой, собственноручно собранной игрушкой. Первый вспомнил, с каким умилением Толь глядел на тела убитых людей, вовсе их не жалея, а явно прикидывая

в уме, какая мощь скрыта в Первом. Словно даже завидуя и мечтая её поскорее к чему-нибудь применить.

Первый лежал в своей камере, размышляя о том, как док в последнее время ведёт себя, какие реплики он бросает Ханни и о чём бормочет за их спинами персонал. Первый решил, что пора: Толь подходит в своих опытах к чему-то радикальному. И что лучше уж долго не тянуть, чтобы ненароком не стать бесчувственным овощем, как Седьмой.

В один прекрасный день Толь явился за Первым сам. Открыл его камеру, бесстрашно шагнул в неё и вывел парня наружу, придерживая за плечо. Хоть за всем этим наблюдала охрана, всё-таки док рисковал.

– Ну, мальчик, – тихо сказал он, – как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – ответил Первый, невольно глянув сквозь прутья на умирающего Седьмого.

Док тоже посмотрел туда.

– Жаль... Мы теряем отличного дипломата.

Они с Первым добрались до лаборатории. Там док пристегнул его к креслу. Правда, не очень крепко – так, для проформы. Он знал, что Первый не причинит ему зла. И в глубине души знал это и Первый. А ещё он знал, что Ханни сейчас нет поблизости. Она уехала по каким-то делам, о чём вяло болтали солдаты. Или это сами стены нашёптывали Первому секреты базы? Он не мог сказать наверняка. Его чувства обострились, слились в какой-то радужный вихрь, и нельзя было разобрать, где зрение, где осязание, а где слух. Он про-

сто всё знал и принимал это, как неоспоримый факт.

Доктор прижал к его руке иглу.

– Стойте... – вдруг сказал Первый.

Толь поднял брови, но шприц всё же убрал.

– Что такое? Тебе нехорошо? Дай измерю давление...

Он протянул руку к тумбочке с медицинским инструментами, но Первый остановил его.

– Стойте, доктор. Я хочу с вами поговорить.

Док задумчиво посмотрел на него.

– Но мальчик... Сейчас такой ответственный этап... Возможно, последняя процедура...

– Тем более, – настаивал Первый. – Могу я хоть об этом просить?

Толь колебался.

– Охрана, оставьте нас, – в итоге бросил он, и солдаты повиновались.

Док отстегнул Первого от кресла и потянулся к столику за пластиковым стаканом. В стакане была вода.

Первый качнул головой. Тогда Толь, совершенно не опасаясь поворачиваться к нему спиной, ушёл вглубь кабинета. Первый встал и прошёлся по комнате, вдоль застеклённых шкафов с инструментам и аппаратами. Рядом не было солдат. Вообще никого не было, но Первый знал, что везде понатыканы камеры, и картинка передаётся на пульт охраны.

Толь вернулся с двумя кружками горячего чая с лимоном. Он устроился в мягком кресле на углу металлического сто-

ла, предназначенного явно не для посиделок. Над его плечами навис некий сложный коленчатый аппарат, будто бы защищая дока и угрожая Первому своими стальными захватами. Толь снизу-вверх, выжидающе, как-то очень незащитно смотрел на него, приглашая за стол. И тот, сделав пару шагов, опустился в кресло напротив.

– О чём ты хотел поговорить? – мягко спросил док, помещивая ложкой чай и заглядывая в глаза Первому.

Медленно, подчёркнуто неуверенно тот потянулся к кружке, подул на кипяток. Скромно отхлебнув чаю под пристальным взглядом дока, он поставил кружку на стол и поднял глаза. Его взгляд изменился. Он смотрел на Толя испытующе.

– Знаете, каково это? – начал Первый с тонкой улыбкой. – Чувствовать, как по венам бежит обжигающее тепло, а потом отключаться и вновь приходить в себя уже другим человеком? Вроде бы помнить, что оставил что-то позади, но испытывать только ярость и безграничную силу...

Док смотрел на него удивлённо, но и с признаками тихого восхищения. Он изучал его мимику, кажется, размышляя, на какой стадии сейчас эксперимент, и можно ли отнести этот всплеск умственной активности к самостоятельному развитию Первого. А тот всё говорил:

– ...Ощущать всепоглощающую мощь, слышать, как кровь стучит в висках, и трещат натянутые жилы. Сгорать в урагане действия, пока не опустошишь себя и не свалишься

на пол без сил... Вам не хотелось испытать это самому? Ну хотя бы на час? Или хоть на десять минут? Узнать, чем же на самом деле так прекрасен ваш Препарат?

Толь слушал, неотрывно глядя на Первого. Может, парню это только казалось, но, возможно, док и правда начал впадать в какой-то мистический транс, синхронизируясь с Первым, переходя с ним на одну волну – волну отчаяния, горькой обречённости и крайнего, безудержного любопытства.

– Н-нет... – всё же выдавил из себя он. – Я знаю психохимический принцип... Мне достаточно наблюдений... И нужно много попыток, тщательно контролируемых извне, чтобы это наконец заработало.

Первый улыбнулся. Надменно, как бы говоря: «Да что вы, док? И кого вы пытаетесь убедить?» А вслух он сказал:

– Да, но разве вам никогда не хотелось узнать, какой скрытый талант у вас? Может, это что-то изящное, как у Пятого. Или сложное и опасное, как у Седьмого. А может... Док, вы такой властный и бесстрашный... Может быть... Это что-то такое же, как у меня?

Тут док словно очнулся.

– Ну хватит, мальчик. Нас как раз ждёт финальный этап. Пойдём. Нам так много ещё нужно сделать...

Он начал подниматься из-за стола, но Первый вдруг схватил его за руку. Сжал запястье Толя и слегка потянул его вниз, чтобы тот снова сел.

Док нахмурился, но опустил на стул. А Первый продол-

жал:

– Ваша жена, док... Она любит сильных парней. На сколько она моложе вас? Лет на двадцать? Вы ведь знаете, док, как она любит сильных парней...

По лицу Толя пробежала судорога. Он задавил её, вновь попытавшись подняться. Но Первый крепко держал его, не выпуская кисть. Впрочем, это становилось опасным. Сюда могла ворваться охрана. И Первый руку убрал. Вместо этого он печально глянул доку в глаза.

– Простите, Толь. Я не хотел вас обидеть. Мне жаль, что всё... так. Но вы – удивительный человек. Вы же понимаете, я не стал бы церемониться с обычным. Анатолий Евгеньевич... Я давно убил бы вас, и всё бы развалилось. Меня бы застрелили, но... И руководитель был бы мёртв, и тогда проекту конец. Но я... Я никогда этого не сделаю. Вы же знаете. Я просто хочу с вами поговорить. Хочу поделиться... ощущениями. Ведь для вас так много значит этот эксперимент... Вы сделали из меня настоящего человека. Так позвольте мне этим поделиться, пока... пока я... Ну не знаю... Опять не стал кем-то другим.

И Анатолий Евгеньевич судорожно вздохнул. Минуту он сидел неподвижно, болезненно поджав губы и впившись глазами в Первого. А тот тоже замер и весь подобрался, подумав: «Что, если всё сорвётся? Что, если док отпрянет и позовёт охрану?»

Но Толь не отпрянул. Он грустно улыбнулся и, не отводя

взгляд, потянулся куда-то вбок. На столе чудесным образом появились две маленькие хрустальные стопки. В них полилась ароматная тёмная жидкость.

– Здóрово, док... – промурлыкал Первый. – Я никогда не причиню вам зла. Вы – мой создатель... Наоборот, я буду вам помогать. Вот только... Здесь везде эти подлые камеры...

Ханни вернулась под вечер. Усталая и злая, ведь ей пришлось долго бодаться со старшим егерем заповедника. Егерю, видите ли, не нравилось соседство с военной базой, и он грозился «жалобами в контролирующие инстанции». Вообще, утрясением всех этих дел должен был заниматься юрист... Но, вот незадача, на базе как-то резко стал сокращаться штат. Ну а чего не сделаешь ради милого Толя? И было бы очень жаль, если бы его чудесным опытом вдруг настал конец. Ведь у них с Толем были кое-какие планы. Так что очень некстати пришлась бы помеха извне. Им нужна была полная изоляция и тишина. А потом уже будет неважно. Уже всё равно. Главное, чтобы сейчас к ним никто не лез.

Ещё не подъехав к высоким железным воротам, Ханни поняла, что что-то не так. Ворота были закрыты, но прожекторы над ними не горели. На базе было непривычно тихо и темно. Никто не возился с техникой во дворе, не слышалось голосов... даже лая собак.

Заглушив двигатель, Ханни цапнула с пассажирского си-

денья винтовку.

– За мной! – приказала она двойке солдат, вылезших с заднего сиденья (один из них расторопно открыл перед Ханни дверь машины).

Собственно, ей уже всё было ясно. Никто не отпер ворота в ответ на её сигнал, никто на неё не нацелил оружие с вышки. Всё было глухо. База чернела перед ней безмолвным пустырём. Ханни вдруг развернулась, выстрелив от бедра и скосив очередь солдат.

Один из них был ещё жив и тихонько стонал, схватившись за живот. Ханни милосердно добила его. Весело хмыкнув, она закинула винтовку за плечо и открыто, совсем не таясь, шагнула к дверке в воротах, отпиравшейся электронным ключом.

Ханни шла по вымершей базе, всё больше поражаясь и восхищаясь. Вот дежурный повис на крыльце, одной рукой уцепившись за перила, а другой до сих пор сжимая автомат. Вон вдалеке – бесформенная куча на посадочной площадке вертолётá (кстати, вертолёт-то на месте, что радует). И в тюремном крыле все мертвы. Охранники – кто застрелен, а кто просто забит. Ну а бедный Седьмой задушен. Голова свесилась с матраса, являя взору посиневшее лицо.

Лаборант распостёрся в луже крови, у него какой-то смятый блин вместо головы. На входе в научный отдел ещё много таких – понятно, что их убивали голыми руками, а до оружия добрались уже потом. И когда обошли всю базу, вновь

вернулись сюда. Об этом говорят кровавые следы на полу с таким знакомым рисунком подошвы. Хотя, в общем-то, здесь много следов – каких-то бороздок, мазков, признаков борьбы и того, что по полу кого-то волокли. Но Ханни не хватает винтовку. Она тихо, по-кошачьи крадётся к сердцу научного крыла.

Её встретил Первый. Просто стоял в дверях и смотрел на неё из-под чёлки спутанных светлых волос – такой крепкий, высокий и приятно рельефный, возвышающийся над ней аж на голову. Ханни шагнула вперёд, подошла вплотную иглянула на него снизу-вверх. Потянула носом, вдыхая смесь ароматов.

– Люблю запах смерти... – промурлыкала она, заглядывая в глаза Первому, и вновь принялась. – М-м-м... Коньяк и его парфюм... Чем вы, мальчики, занимались тут без меня?

Первый молчал. Ни одна чёрточка не дрогнула на его лице, и Ханни уже решила, что он снова в трансе.

– Эй... – дотронувшись до его груди, она дразняще провела по ней ноготком, коснувшись соска.

Потом подумала: «Странно. Он почти не забрызган кровью...», и отёрнула руку – Первый вдруг ухмыльнулся.

– А где Толь?.. – хрипло спросила Ханни. – Это так неожиданно... Я люблю сюрпризы... Но не думала, что уже...

Взгляд Первого оставался холодным. Он слегка дёрнул головой, предлагая следовать за ним. И Ханни кольнула мысль, уж не нервный ли это тик. Первый развернулся, шагнул

вглубь кабинета. Ханни пошла следом, только сейчас заметив, что и здесь почему-то приглушен свет.

Толь сидел в кресле для подопытных. Его горло было перерезано. Вместо глаз – два кровавых студенистых пятна, всё лицо исполосовано и залито багровыми струями. Халат распахнут, как и пиджак вместе с тонкой дорогой рубашкой. Пояс брюк слегка оттянут вниз. Одежда, пропитанная кровью, стала густо-красной. На колени Толю выпали кольца кишок, от которых, казалось, все ещё поднимался пар.

Ханни задрожала. Потом взвизгнула, зажав рот рукой. Минуту она стояла так – трясась и глядя на Толя. Затем как-то деревянно, чуть ли не со скрипом повернулась, уставившись на Первого.

– Т-ты... это сделал? – прорычала она.

Её губы прыгали. Лицо просто перекосило. Из глаз брызнули злые слёзы.

– Нет, – спокойно ответил Первый, равнодушно созерцая чудовищную маску ярости и отчаяния. – Можешь проверить камеры. Просто... Его скрытым талантом тоже оказалась смерть...

Первый покосился куда-то, и Ханни повела взглядом вслед. На столе лежало два шприца. Два пустых шприца с капельками крови, застывшими на иглах.

– ...Ты не удивлялась, как такой интеллигентный человек мог восхищаться смертью? М-м-м? Никогда не думала, почему он так заворожённо смотрел на то, что творили мы?

Одно дело ты, Ханни. В тебе это есть. Извращённый садизм и немножечко мазохизма, но... В Толе был какой-то другой – болезненный интерес. Мучительное желание узнать... И он его удовлетворил. Только его главным шедевром стала его собственная смерть.

Ханни снова взвизгнула. Её кулак взлетел вверх, целя Первому в кадык. И раньше она смогла бы его достать. Раньше. Но не теперь. Теперь Первый «слился». Он был «завершён».

Кости Ханни хрустнули – Первый смял её кисть, превратив в кровавую кашу. Ханни стиснула зубы, издав низкий досадливый рык. Она не заметила боли, тут же врезавшись ему ногой в пах.

Такого Первый не ожидал. Он согнулся пополам, зашипев. Но ему пришлось тут же опомниться, ведь сверху уже часто сыпались рубящие удары, и надо было уворачиваться от них. Левая рука Ханни оставалась цела, и она вполне могла раздробить Первому позвоночник.

Он спружинился, отвечая на новый выпад. Боль ушла. Всё заполнилось звонкой яростью, а перед глазами струились разноцветные вихри света – азбука новых, резких, обострённых до предела чувств. Первый закружил Ханни в мрачном, но отчаянно красивом танце – танце смерти. И он чуть ли не впервые в жизни не знал, чья возьмёт.

Глава 2. Ханни

Первый сидел на полу, привалившись спиной к стене, за которой остывало тело доктора Толя. Голова Первого свесилась вперёд, и вязкие красные капли срывались со спутанной чёлки, упавшей ему на глаза. Казалось, его грудь не вздымается, он мёртв.

У стены напротив сгорбилась Ханни. Стояла на коленях, даже толком не сумев сползти на пол. Одну руку она прижимала к левому боку, другая безвольно болталась вдоль тела, и пальцы на ней торчали под неестественным углом, сломанные в нескольких местах. Кровь стекала из разбитого лба, заливая подбородок. Один глаз заплыл, превратившись в сплошной вздутый бугор. И дышала она с трудом. Из груди с каждым вдохом вырывались тихие хрип и хруст: рёбра были раздроблены.

– М-м-м... – тихо застонала она, и стон перешёл в шипение боли.

Первый медленно поднял голову. Он тоже едва дышал, его майка была пропитана кровью, пугающе промятая внутри в нескольких местах. Переломы уже начали распухать, а ссадины пылали огнём.

– Д-да... – сквозь одышку вдруг просипела Ханни. – Так тебе и... Чёрт... Ничья!..

И тут коридоры погибшей исследовательской базы огла-

сил резкий топот ног. Сумрак прошлили упругие нити света. В кабинет, ставший склепом Толю, ворвались люди с оружием, в мощной меха-бронне, пригвоздив к месту Первого и Ханни лучами подствольных фонарей.

– Руки за голову! Встать! – лязгнул голос, усиленный динамиком шлема.

Первый ещё попытался подняться, но Ханни так и осталась стоять на коленях, роняя вокруг капли крови из разбитого рта. К ним подбежало по двое солдат. Зажав Ханни и Первого между своими армированными телами, они вздёрунули их на ноги и куда-то поволокли.

– Я любила его... – прошептала Ханни, лёжа в темноте на полу тряского фургона, из последних сил отставляя подальше от себя повреждённые кисти, скованные наручниками.

– Я тоже, – буркнул Первый, скорчившись на холодном металле и уже не пытаясь сесть. – Ну, то есть... Он всем нам был вроде отца...

Первый замолк, чувствуя жар на щеках. Ханни с невыразимой горечью прохрипела над ухом:

– Знаю... Мне, наверное, тоже... Как ты мог?!

Сухой проволочный ком встал у Первого поперёк горла. С болью сглотнув, он всё же произнёс:

– Это не я. Он сам.

В темноте раздался её горестный всхлип:

– Сволочь. Ты это всё. Не будь тебя там...

– Нет. Может быть, не так рано, но... А тогда – либо я, либо он.

Теперь Ханни зашлась хриплым смехом, и у Первого от этого звука будто что-то разорвалось в груди. Он раньше и не знал, что бывают ещё какие-то чувства, кроме ярости и жажды выжить.

– Ханни...

Но она перебила его, прерываясь от боли:

– Т-тогда? Х-ха! Ну да... теперь-то мы... в полной жопе. И не знаю вот... кого благодарить. Может, Толя?

Её каркающий хохот скатился в рыдания. И Первого вновь, как на базе, захлестнул всепоглощающий страх. Слепой первобытный ужас, проникающий в каждый закоулок сознания, сжимающий ледяными клеммами виски, мелкими влажными присосками бегущий по спине, животу. «Ханни плачет? Такое возможно?» Это никак не укладывалось в его голове. Он как будто опять вернулся в свою камеру – с голубоватым светом, сочащимся сквозь прутья решётки, с тихим воем угасающего Седьмого. Первый не осознавал, что убил его, хоть больше и не был в трансе. Если он это и сделал, то из жалости, чтобы пресечь мучения. Ведь Седьмой всё равно уже был мёртв. То, что от него осталось, горело в бреду агонии. «Интересно, солдаты забрали бы его? Нет... Наверное, поступили бы также, понимая, что ему конец».

Первый вспомнил подошвы ботинок. Ноги какого-то трупа, стопы которого так неуклюже вывернулись вбок, а брюпа,

ки задрались, открыв щиколотки со сползшими носками. Он зацепил их взглядом, брошенным из-под криво накинутаго на голову мешка. И теперь ещё острее почувствовал смесь запахов крови и хлорки. Отчётливее ощутил, как давят на его запястья браслеты.

Металлический запах крови – его крови и крови Ханни – наполняющий тьму фургона. Пробивающийся сквозь плотную ткань чёрного мешка... Он ничуть не удивился внезапно обрётённому знанию о том, как устроены замки наручников. И что застёгнуты они на нём неправильно: руки не завернуты за спину, а сцеплены впереди. Да и вообще, пожалуй, он мог бы разорвать стальную цепочку. Но... Рядом плакала Ханни. Ханни, от которой в её нормальном состоянии не дождёшься и слезинки... А вокруг сочилась запахами тьма. Запахом крови. Его и её... Всё это просто сводило с ума. В голове у Первого словно сорвало стоп-кран, отбросив его на много месяцев назад. А может, и на много лет.

– Ханни... – слабо позвал он, заметив в своём голосе дрожь. – Я не хотел... Ну... Мне правда жаль...

Её всхлипы вроде стали потише, но он точно сказать не сумел бы. А вскоре и тряска утихла: машина остановилась. Послышался топот ног, усиленный весом брони. Двери лязгнули, разъехавшись в стороны.

Мешок с головы сорвали. Ханни и Первого под руки выволокли из кузова. Потаскили по ночному двору со слепящими пятнами света от прожекторов на снайперских выш-

ках. Дальше – длинные коридоры, подсвеченные галогеном, их бесщётные повороты и двери с кодовыми замками. Первого вели впереди, и он всё пытался оглянуться на Ханни. Но видел лишь фигуры в броне, получая от них злые тычки.

Белая комната, режущее яркий свет хирургических ламп. В руку снова входит игла. Первый мог бы запросто справиться с людьми в белых халатах, если бы... если бы только... Его тело благодарно обмякло. Сознание покорно нырнуло в волны уютного сна.

Очнулся он в палате без окон, с мягким освещением, люющим непонятно откуда, прикованный к медицинской койке эластичными белыми ремнями. Хотел позвать Ханни, но из горла вырывался пока только хрип. Да и куда там Ханни? Палата с койкой была явно на одного. И Первый вообще сомневался, что бывают женско-мужские палаты.

Через пару часов появился персонал. Именно персонал, без приставки «мед-». Молодые крепкие парни заходили в комнату попеременно: проверяли какие-то показания на мониторах, к которым тянулись провода от датчиков на теле Первого, даже щупали ему лоб и считали пульс. А из-под манжет их белых халатов выглядывала военная форма. И Первый решил не рыпаться. Тем более что он был отлично знаком с ремнями, которые только сильнее затягиваются от движений. Стоило пока присмотреться, понять обстановку. А уж потом думать, как быть.

Позже в комнату вошёл человек, всем своим видом и манерами напоминающий Толя. Откуда-то рядом с койкой появился металлический стул с виниловыми мягкими вставками, и мужчина на него опустился. То он чётко проявлялся в поле зрения Первого, а то словно отдалялся, размываясь, втягиваясь в зыбкую воронку желтоватой мути. И Первый решил, что он, видимо, ещё не вполне контролирует своё сознание. Человек придвинулся ближе, но когда Первый невольно рванулся приподняться, тот категоричным жестом приказал ему лежать. Он же и начал разговор.

– Как вы себя чувствуете? Приемлемо?

– Да... – тихо прохрипел парень, повернув голову к визитёру, но уже не пытаясь оторвать затылок от подголовника. – Только немного...

– Это пройдёт, – перебил его человек, будто бы и без слов хорошо зная все его ощущения. – За неимением лучшего, позвольте обращаться к вам по прозвищу. Вы ведь Первый?

– Да, – вновь согласился тот. – Где я?

– Это не важно. Я только пришёл убедиться, что вы на самом деле способны связно мыслить. Признаться, сначала я сомневался... Но я доволен услышанным. Bravo. Позже вас посетят юристы. Ответите на пару вопросов.

Тон говорившего был беспрекословно командным, хоть, пожалуй, слегка смягчённым. И Первый решил ничего ему больше не отвечать. Но мужчина быстро ушёл, на прощание притворно улыбнувшись.

Первый стискивал зубы до хруста, сжимал кулаки, но поделать ничего не мог. Он опять попал в ловушку неведения. Оставалось лишь тихо лежать, позволяя военным санитарам ставить ему какие-то капельницы, подсоединять трубки к катетерам и менять на нём больничную одежду. А вскоре к нему и правда явились обещанные юристы.

Пара людей с портфелями, снова мужчины. Один из них молча уселся на композитный стул, доставая из кейса и передавая второму бумаги. Тот, сверяясь с ними, стал задавать Первому вопросы. О том, действительно ли Первый не помнит, кто он, и что было до того, как он начал осознавать себя как личность. И о том, что же именно произошло во время попытки побега Первого и «других номеров».

Первый отвечал очень сдержанно, подолгу молчал, вынуждая юристов кудряво развивать свои вопросы, но в итоге сводя всё к односложному «да-нет». Хоть юристы особо не зверствовали, а, казалось, наоборот старались ему помочь. Нарисовать для Первого безобидную картину случившегося. И по ходу разговора у них вышло, что бунт подопытных начался спонтанно. Первый убил дока Толя в результате самообороны, а с охранниками и лаборантами разделались ещё до него героически павшие в бою Второй, Третий и Шестой.

Вообще, Первый сомневался, что «юристы» не знают всей правды. Или что среди оплетающих его проводов не найдётся тех, что ведут к детектору лжи. Но ему было плевать. Он не чувствовал абсолютно ничего. Не осталось ни ярости, ни

страха, ни будоражащего чувства опасности. Все ощущения слились в серый кисель бесстрастия и умиротворения. Первый подозревал, что это – результат действия каких-то препаратов, струящихся по трубкам в его вены. Но он не волновался. Чёрт, да как он мог волноваться фактически под навязанным кайфом?! Да ещё когда эти двое вовсе не вели допрос, а намеренно выгораживали Первого, насильственно сводя все его действия к самообороне.

В итоге ему под нос сунули какие-то бумажки на планшете с зажимом. Предложили ознакомиться с записанными с его слов показаниями. С удивлением Первый обнаружил, что разбирает слова, накарябанные ручкой, а также отпечатанные тонером. Но не все. Он осознал, что умеет читать, хоть на базе Толя, кажется, не прочёл ни строчки, а вечно валялся на грязном матрасе. И тут он понял, что всё-таки злится. Злится из-за того, что над ним издеваются, целенаправленно, пусть и в его пользу, но вынуждая лгать. Да ещё и заставляют делать то, чего он никогда не делал – писать на бумаге!

«Ну да чёрт с ним...» За неимением настоящего имени он накарябал в графе для подписи свою кличку, лишь слегка удивившись тому, что справился и с этим заданием. А ещё он-таки натянул державшие его руки ремни. Совсем чуть-чуть, чтобы приподняться, и вроде бы не выказав угрозы мужчине, поднёсшему планшет к его кисти. Но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: «Никаких хитрых техно-

логий нет. Ремни можно просто порвать».

Потом его принялись расспрашивать «о действиях майора Ханны Левенштейн», которая, «согласно показаниям», всего лишь «пыталась остановить побег подопытных в связи со своими должностными обязанностями», в процессе чего «нанесла Первому незначительные физические повреждения» (то есть наградила его парой переломов). Убийство её подчинённых, опять-таки, списали на многострадальных Третьего, Второго и Шестого (хоть к тому времени их трупы давно покоились замороженными в морге).

Первый заверил юристов, что не имеет никаких претензий к действиям майора, то ли радуясь, то ли поражаясь всему, включая какую-то лёгкую нелепость открывшегося ему имени Ханни. Затем ему сунули на подпись очередную кипу бумаг и наконец оставили в покое.

Когда «юристы» ушли, Первый ещё долго лежал, глядя в потолок: размышляя о том, что за всё время этого липового допроса ему так и не сказали, где он находится. Не зачитали никаких обвинений или не предложили компенсаций. Не разъяснили его статуса и прав. Вообще так и не открыли тайну, кто он... Будь Первый знаком с законами каких-то государств, мог бы ещё поспорить, имеет ли какую-то силу его подпись на тех листках. «Юристы» только сыпали мягкими вопросами, склоняя Первого в заранее продуманное русло. А он и не сопротивлялся. То ли и правда решил, что ему это всё на пользу, то ли уже не справлялся с действием седатив-

ных препаратов. Но эти мысли тревожили его всё меньше и меньше. Вскоре он вновь задремал.

Разбудил его новый визит мужчины, чем-то напоминавшего Толя. Приторно улыбнувшись, тот заявил, что скоро Первого освободят: уберут капельницы и начнут нормально кормить. А ещё он пристально глянул Первому в глаза и спросил:

– Ты ведь будешь хорошо себя вести? Если да, то я распряжусь, чтобы сняли ремни прямо сейчас. Если нет... Впрочем, я не жду ответа «нет». Я прав?

– Да... – бесцветным голосом ответил Первый (и мужчина удовлетворённо кивнул). – Где я? Что происходит? Кто вы?

Улыбка стала ещё шире. Мужчина покачал головой, поцокав языком. И вдруг ответил совсем неформально:

– Много будешь знать – скоро состаришься. Тебе ведь этого не нужно, а, Первый? Медики определили твой биологический возраст, как девятнадцать лет. Неплохо, да? У тебя ещё столько всего впереди... Так что расслабься. Отдыхай пока. Скоро всё узнаешь.

Первый не ожидал такого и, кажется, даже покраснел, напрягшись под ремнями. Но вскоре и правда расслабился, глядя в хитрые карие глазки мужчины.

– Как мне к вам обращаться? Вы ведь не врач? Я видел врачей. А вы... командир?

Мужчина расплылся в улыбке. Чувствовалось в ней что-то

такое, разом перечеркнувшее сходство с утончённым безумцем Толем. В ухмылке здешнего заправины сквозил холодный расчёт, грубая самоуверенность и какая-то сложная цель, скрытая от посторонних глаз. Может быть, даже от глаз сослуживцев.

– Зови меня просто Кэп, – медово-елейным голосом протянул он. – Что мне до званий и имён? Все мы в одном котле...

С этой задумчивой репликой мужчина поднялся и вышел. А Первый насторожился, решив, что последнюю фразу тот произнёс, давя на жалость: стараясь Первого к себе расположить. Первый откуда-то знал, что «котлом» на военном жаргоне называют ситуацию, когда войска окружены противником, и нет выхода из оцепления. «Да... Похоже, я нужен этому человеку живым. Как всегда, я кому-то нужен, хоть и не знаю, зачем, и кто я, и нужен ли самому себе... Шестой, стало быть, тоже мёртв. Возможно, это я убил его... Что с Ханны?..»

Медленно тянулись часы. Приходили уже знакомые и ещё не знакомые санитары. «Боевые санитары», как тайно прозвал их Первый за исключительную точность движений, строевую осанку и краешки зелёных манжет, выглядывавших из-под халатов. Санитары и правда освободили его от ремней, сняли катетеры, показали ему дверь в санузел. Конечно же, парни в халатах пристально за ним наблюдали, но,

в общем-то, даже не это не давало Первому им навалить. После долгой отлёжки на койке руки-ноги у него стали ватными. А может, ему вводили какой-то миорелаксант. И опять же, стоило ли совершать необдуманные поступки, пока он не выяснит, где он? На базе Толя всё было по-другому. Он видел деревья, слышал вздохи свободы за стеной, да и выбора у него особо не было из-за Препарата.

А здесь его палата, похоже, была с шумоизоляцией. Он не знал ничего о здании, в котором его держали, но заподозрил, что этот этаж мог вообще находиться под землёй. Из-за постоянной чехарды лёгкой дрёмы и вялого, туманного бодрствования Первый не знал, сколько времени прошло с той ночи провалившегося побега. Возможно, всего пара дней, а может, недели и месяцы.

Хотя это, пожалуй, всё-таки было преувеличением. Ведь синяки с его тела ещё не сошли. Побаливали рёбра, левая сторона груди превратилась в сплошную гематому, длинная рана на лбу стала жёстким запёкшимся бугром. Первый обнаружил на себе и пару хирургических швов. Оттянув ворот бесформенной робы, в которую его теперь одевали, он до тошноты ужаснулся буро-зелёному месиву незаживающих побоев и разрезов. Впрочем, и такая бурная реакция на раны была не совсем его. «Видимо, дело в лекарствах».

Но всё было не так уж плохо. Ведь его не пытали, не били, не заставляли драться... Вскоре очередной санитар принёс ему прямо в палату поднос с настоящей едой. Он даже

поздоровался с Первым. Сказал ему: «Добрый день». «Значит, сейчас день, – заключил Первый. – А другие приходили утром... Хотя какая-то информация. Если только санитар не врёт». На пластиковом столе у койки появился симпатичный обед, какой Первому и не снился у Толя. Омлет, горка тушёных овощей и нарезка варёного мяса на тарелках из вощёной бумаги. Вилки пластиковые, но удобные. Фруктово-ягодный компот в картонном стаканчике. Чудеса, да и только.

Первый ел, спал и снова ел. Индикаторы медицинских аппаратов давно погасли, наступила тишина. Первому приносили еду, что-то меняли в хитром высокотехнологичном шкафу в стене с бесшумными створками, плавно выезжавшими вперёд на пневматических поршнях. За дверьми санузла с очень чистым туалетом и душем на полке нашлись тюбик пасты, зубная щётка и мыло. Рядом висела пара махровых полотенец.

Мягкие белые шлёпанцы на ногах, везде чистота и свет... Правда, не видно зеркал. Но Первому и без того есть, чему удивляться. К примеру, откуда он вообще знает названия и назначение вещей... Нет, в его жизни явно произошли перемены к лучшему. Вот только нельзя забывать, что бесплатный сыр – в мышеловке, и от Первого чего-то хотят.

Как показалось Первому, наступило новое утро. Он почувствовал: хватит валяться! Пошарахавшись по маленькой комнатке, он легко разобрался с дверцами встроенного в сте-

ну шкафа (нужно было просто нажать на них, чтобы они открылись). Он нашёл там несколько сменных комплектов одежды. Хэбэшные штаны, трусы и рубашки-балахоны без пуговиц. Те же больничные робы светло-бежевых и серых оттенков, как и та, что на нём. Но всё же получше, чем тонкий халат до щиколоток, распоротый на спине и застёгнутый на хлипкие липучки.

Первый принял душ (и опять-таки, хоть он себя не помнил, но как пользоваться душем – знал). Вытерся. Оделся в бежевый больничный комплект. Позже за ним зашёл «боевой санитар». Он объявил Первому, что теперь тот будет обедать в столовой.

Санитар не приказывал Первому повернуться, не застёгивал на нём наручников и не гнал его перед собой, уткнув ему между лопаток ствол пистолета. Вместо этого он всего лишь приглашающе на него глянул, указав жестом на выход из комнаты. За дверью, мягко отъехавшей вбок, оказался искусственно освещённый коридор, и Первый неуверенно шагнул туда. Санитар вроде не ждал от него никаких сюрпризов – просто шёл рядом, направляя Первого мягкими похлопываниями то по правому, то по левому плечу. Но Первый и не рыпался. Он жадно постреливал глазами по сторонам, считая повороты коридора и запоминая расположение дверей.

Когда они добрались до столовой, Первый был сильно удивлён. Он ожидал увидеть большой обеденный зал с длинными столами. Со множеством таких же «пациентов», как

он – не то больных, не то заключённых в сверкающе чистой одежде, сгорбившихся над тарелками с предательски вкусной едой. Но когда санитар вновь коснулся его предплечья, слегка подтолкнув вперёд, ничего такого за очередными дверьми Первый не увидел.

Он стоял на пороге небольшого помещения без окон, оформленного в приторно-бежевых тонах, с желтоватым светом, льющимся от потолочных панелей. Впереди в четыре ряда выстроилось восемь маленьких квадратных столов с композитными стульями по бокам. Никаких раздаточных окошек: еду, видимо, приносили «пациентам» всё те же «боевые санитары». Но других пациентов здесь не было... Почти не было, в зависимости от того, кого можно назвать пациентом. У Первого чуть глаза на лоб не полезли. За ближайшим столиком, лицом к нему, сидела Ханни собственной персоной.

Первый едва не споткнулся о порог, но сумел-таки шагнуть в зал под обжигающим взглядом яростно-голубых глаз. В конце концов, ничего другого ему просто не оставалось. На ватных ногах он подковылял к столику, отодвинул стул и осторожно опустился напротив Ханни, надеясь, что она вдруг не вскочит и не свернёт ему шею. Повисла тишина, они просто смотрели друг на друга. Только мягкие шаги санитаря наполняли зал, пока тот выносил откуда-то тарелки с едой и расставлял перед ними на столе. Недурная, между прочим, была еда. У Первого заурчало в животе, когда ноздри защеп-

котал аромат тушёного мяса. Ханни, кажется, это услышала и вдруг улыбнулась.

– Привет, – бросила она хриловато, в своей обычной манере.

– П-привет... – выдавил из себя Первый, едва не подавившись набравшейся во рту слюной. – К-как... дела?

Ханни закатила глаза, ослабилась и зашла тихим смехом. Она тоже была одета в больничное. Только не в бежевое, а в голубовато-серое, в тон её светлым глазам. Волосы были собраны в хвост, зацепленные на затылке резинкой. Первый отрешённо подумал, что на её лице и на видимых частях тела почти нет синяков. Да он уже и сам чувствовал себя совсем неплохо: рёбра не болели, в голове прояснилось, и хоть он не смотрелся в зеркало, но подозревал, что и выглядит теперь лучше.

Он смущённо опустил взгляд к тарелкам, обнаружив перед собою салат, пюре и бифштекс. «Пациентам» выдали самые обычные, металлические вилки и ножи, а не пластиковое их подобие. Первый сглотнул, прикоснувшись к ним и ощутив холодок. Машинально он стал резать бифштекс, удивившись, что умеет делать и это, и вообще продемонстрировав должную долю знания этикета. Не отрывая взгляда от тарелки, он снова сглотнул и тихо произнёс:

– Ты... знаешь, где мы? Сколько времени прошло?

Ханни опять рассмеялась. Первый скорее ощутил лёгкое движение воздуха, чем услышал сухой шелест её беззвучно-

го смеха. Он поднял глаза на Ханни, начиная всерьёз опасаться за её психическое здоровье. Но выглядела она довольно нормально и бодро ковыряла вилкой бифштекс, вроде бы даже с аппетитом. Вот только вилку она держала левой рукой, а кусочек хлеба – плохо гнущимися пальцами правой. И Первого кольнуло какое-то непривычное чувство: зачаток угрызений совести. Ханни, будто прочитав эти мысли, заглянула ему в лицо, улыбнувшись.

– Насчёт времени точно не скажу... По ощущениям – пара недель. Ты ведь тоже постоянно спал?

Первый кивнул.

– Ну а где мы... – задумчиво протянула Ханни и повела глазами, осматривая зал столовой. – Точно не знаю. Владивосток, Кронштадт... да хоть Камчатка! Заметил? Здесь нет окон. Хотя... Мне кажется, я чувствую в воздухе запах моря. Такую солоноватую свежесть... Но... Может, это просто хлорка и йод.

Она вновь хохотнула и вернулась к еде. А Первый ещё минуту сидел, переваривая услышанное. Потом тоже проглотил пару кусков и, переходя на шёпот, рискнул:

– Тебе тоже ничего не сказали? Но ведь... Разве ты не солдат, Ханни? Разве ты... не часть этого всего?

Ханни глянула на него как-то странно. На её лице появилось необычное выражение: сочетание наивно распахнутых глаз и улыбочки тихого безумия.

– Да, Первый, я – часть этого всего. Как и ты, блин! Тебе

что, совсем разъело мозги?

Первый удивлённо моргнул, устыдившись. А взгляд яростно-голубых глаз вдруг порхнул ему за спину. Первый оглянулся. Оказывается, у дверей стоял боевой санитар, вытянув руки по швам и глядя куда-то вдаль.

– Они слушают, да? – шепнул Первый, чувствуя себя совсем глупо.

И куда подевалась вся его проницательность и тонкий расчёт? Ханни вновь одарила его леденяще-милой улыбкой.

– Думаю, да. И тот мальчик у двери – только для виду. Чтобы мы от него зашифровались. А вообще он – так... Официант, администратор зала и охранник в одном лице. Думаю, тут всё набито прослушкой. Маленький милый зал... Уютненько, не находишь?

Первый уткнулся в еду, чувствуя жар на щеках.

– Да расслабься... – ободряюще бросила Ханни. – Думаю, мы делаем как раз то, что им нужно. Зачем нас привели сюда? Зачем свели вместе? Ясно же, что не просто так...

– Это как большая тюрьма? Общая тюремная камера, да? Они хотят узнать, что случилось?

– Да не парься ты, говорю же! Ещё не понял? Им и так всё известно!

– К тебе тоже приходили с бумагами? Двое?

– Двое... Трое... Целая толпа! Уж не знала, куда деваться от них... Прямо задрали!

– Что?

– Да ничего... Х-ха! Ознакомили меня с «заочным приговором». Что-то там о нарушении конституционных прав человека. И ещё так, по мелочи. Массовые пытки и казни... Не признали, что я тоже находилась под действием Препарата. Толь... Ай, ладно... В общем, предъявили мне ультиматум. Либо за решётку, а либо... И вот тут-то самое интересное...

Первый изогнул бровь.

– Предложили прикинуться больной? Ну... – он многозначительно прикоснулся к виску, зашуршав просторной рубашкой.

Ханни усмехнулась.

– Да как же!.. Говорю же, не поверили про Препарат!

– Но тогда... Они так и не сказали, кто они такие? Просто дали подписать странные бумаги?

– А ты, я вижу, шарить... Ага. Только не всё так просто. Я читала бумаги. С виду там всё в порядке. Вроде как... наше дорогое правительство помещает меня сюда, в «частную трудовую колонию». Пожизненный рабочий контракт без оплаты труда. Круто, да?

Первый не ответил. До него со скрипом доходил смысл её слов. На автомате он доедал остатки обеда, механически пережёвывая пищу и запивая чаем. Ханни тоже орудовала вилкой, уминая за обе щеки. Первый вытер рот и руки салфеткой. Всё-таки дождавшись, когда официант с грязной посудой отойдёт подальше, спросил:

– Так ты не знаешь, у кого мы? Что-то опять начинается?..

– Похоже на то. Они называют себя «СЛОМ».

– Слом?!

– ИССЛ-ОМ, – раздражённо отчеканила Ханни. – Аббревиатура, разговорное сокращение... «Исследовательский лагерь опасных механизмов». Очень весело. Согласить, говорить «ИЛОМ» было бы совсем стрёмно.

– Чего?! – поперхнулся Первый. – Лагерь? Механизмов? Что за бред?

– Ага. Я тоже так подумала, но... Форма предприятия – акционерное общество. Это может означать что угодно. Возможно, нам вообще показали поддельные документы, распечатанные на цветном принтере. Может быть, нас похитили, взяли в плен... А может, и нет. Может, у них и правда контракт с правительством. Поэтому тут одни додики в форме...

– Додики? – не удержался Первый, прыснув от смеха. – Кто это?

Она не успела ответить, лишь сверкнула глазами. К столу тихо подошёл санитар, положив Первому руку на плечо. Значит, пора было закругляться с обедом. Тем более что разговор сполз в какое-то несерьёзное русло. Видимо, кто-то отдал приказ сворачивать этот балаган. Первый, глянув на Ханни, заметил, как забавно взмыли вверх её брови. Мол, хорошенького понемножку, ага? К ней тоже подошли, ну а Первого потянули в коридор.

Обратно их с Ханни вели разными переходами – может быть, даже в разные корпуса. Первый не слышал за спиной её

шагов, да и окон так и не попало по дороге. Первый укрепился в мысли, что это подземный этаж, и постарался запомнить все повороты и двери. Если верить Ханни, они с ней в самом начале пути. Им ещё предстоит всё узнать. А пока надо просто присматриваться ко всему и запоминать. И тогда в голове сформируется общая картина и план.

После этой встречи обед и ужин Первому приносили в палату, так что в тот день им с Ханни больше видеться не довелось. Потянулись унылые будни. Первый лежал в своей комнате и глядел в потолок, пытаясь систематизировать крохи недавних наблюдений. Но как он ни старался, всё не мог определить, где здесь спрятаны скрытые камеры, хоть и был совершенно уверен в том, что они есть.

Когда его привели сюда после встречи с Ханни, то выяснилось, что за время обеда в палате демонтировали все медицинские приборы. Больше не было ни кардиомонитора, ни аппарата искусственной вентиляции лёгких, ни центрифуг для экспресс-анализов, ни стоек для капельниц. Только дырочки остались в стенах от крепежа устройств да призрачные следы от ножек тяжёлых тумб на полу. А высокотехнологичную койку с фиксаторами в различных положениях заменили обычной одноместной, заправленной белым бельём и накрытой голубым покрывалом.

На кровать кто-то бросил пару рекламных журналов. В журналах были фото косметики и других «товаров по по-

chte», но текст был настолько банальным, такого общего содержания, что Первому не удалось по нему что-либо определить. Номера телефонов с трёхзначным кодом впереди ничего ему не говорили. Печально, но именно сейчас подсознание его подвело, отказавшись выдать нужные данные. Первый пялился на фото глупо улыбающихся девок и парней, читал названия бесполезных товаров или просто лежал на койке, затаив дыхание: пытаюсь расслышать хоть что-то, кроме шагов санитаров и лязганья столов на колёсах... Но ведь и это уже кое-что. Да, в своей палате он был единственным «больным», но по звукам заключил, что за стенами всё же ещё кто-то есть.

На следующий день его вновь повели в столовую. Санитар отомкнул дверь магнитным ключом, мягко выпроводив «пациента» из комнаты. И хоть отношение к нему здесь и чистая палата с удобствами разительно отличались от камеры с решёткой на базе Толя, и от Первого пока ничего не требовали, но в целом его положение можно было назвать заключением.

В столовой он опять встретил Ханни. Они ели и тихо, сдержанно обсуждали свои скудные новости. Затем они вновь расстались. Но Первого стали водить в столовую регулярно. Правда, порою он завтракал и обедал совсем в одиночестве, и тогда начинал беспокоиться. Но вот приходило время ужина, и за столиком его снова ждал пристальный взгляд синих глаз. Или наоборот: ужинал он один, а Ханни встречал уже утром. Тогда Первый понял, что ему дают её видеть не

чаще одного раза в день. А сама она объяснила, что днём её водят на физиотерапию, чтобы вернуть подвижность только-только сросшимся пальцам. Скоро ей даже обещали разрешить посещать спортзал.

Это тоже было занятным фактом. Выходило, у загадочно-го СЛОМа тут целый спортивно-оздоровительный комплекс. Первый даже слегка расстроился – позавидовал Ханни, ведь его самого пока никуда не водили, кроме маленького обеденного зала. Но вскоре случилось и кое-что поинтереснее. В его комнату повесили электронные часы, выдали ему пластиковую ключ-карту от двери и объявили, что теперь он может свободно передвигаться по маршруту «палата – столовая». А в столовой произошло просто нечто. Там начали появляться новые люди.

Сначала с Ханни и Первым стал обедать один незнакомый парень. На вид он казался совсем ненамного старше Первого и внешне ничем не отличался от людей, которых Первый уже видел здесь и на базе Толя. Не отличался парень, как думал Первый, и от него самого. Хоть он ещё и не видел себя в зеркале целиком, а лишь замечал фрагменты отражений в блестящих поверхностях. Но он чувствовал, что всё именно так. Что парень – такой же, как он. Это было важным моментом. Кажется, это следовало назвать «этнической принадлежностью». Первый не был до конца уверен в значении этих слов, но они составляли часть анализа сложившейся картины. От-

носились к догадкам о том, где они с Ханни оказались. Хотя всё равно вариантов могло быть бессчётное множество. Первый знал географию мира только в очень абстрактных понятиях.

Они с Ханни, как это ни странно, поначалу прямо-таки не решались подсесть к новичку. Оглядывались на «боевого официанта», а тот едва заметно качал головой. Посещения парнем столовой тоже были хаотичными, как и встречи Первого с Ханни. Иногда Первый завтракал один, иногда обедал с Ханни, иногда ужинал в молчаливом соседстве незнакомца.

Затем появилось ещё двое гостей. Вернее, это были не гости, а гости. Их появление вызвало крайнее любопытство у Первого и, кажется, удивление Ханни. И даже небольшой интерес у угрюмого новичка. Первый прямо-таки впервые в жизни (во всяком случае, в осознанной) увидел настолько отличавшихся от него людей. Дело в том, что это были две азиатки.

Одна из них – взрослая. Даже, может, пожилая. Маленькая сухонькая женщина с кожей цвета разбавленного йода, прорезанной мелкими морщинками. Треугольное лицо, тонкие суровые губы, небольшой и какой-то уж очень необычный нос, сильно вдавленный на переносице и загнутый на конце книзу. Непонятного оттенка волосы коротко острижены. И у этой незнакомки, как у Ханни, была некая черта, проявлявшаяся в каждом движении. Что-то вроде натянутой

жилки где-то глубоко внутри. Женщина сидела очень прямо, движения её были скупыми и точными. Первый даже поначалу решил, что это и есть то самое, что зовут «военной выправкой».

Бросив взгляд на взрослую женщину, Ханни шепнула. «Казашка. Или, может, узбечка». А вот с национальной принадлежностью второй женщины было ещё любопытнее. К тому же, на самом деле это была совсем молодая девушка. Высокая, стройная, со светлой кожей и очень изящной фигурой, хоть какой-то слишком уж «длинной», говоря не конкретно о росте, а об узких хрупких костях и, пожалуй, слегка низковатой посадке аккуратного таза.

Девушка отличалась от женщины, сидевшей напротив неё, боком к столику Ханни и Первого. И в то же время у них были общие восточные черты. Эта парочка появлялась в столовой всегда вместе и держалась чуть поодаль. Чувствовалась некая близость между ними, забота со стороны старшей по отношению к младшей и почтение со стороны юной. Первый даже грешным делом подумал, уж не мать ли это и дочь.

Только кожа девушки была не тёмной, а наоборот очень белой. Лицо – вовсе не маленькое, а довольно широкое, хоть и приятно овальное. По бокам его закрывали пряди длинных прямых волос, опускавшихся ниже плеч. Волосы были тёмные, блестящие, но не чёрные. Скорее, густо-русые, и вот удивительно, хранили на себе следы краски. Либо уже отрос-

ли, либо сразу были выкрашены градиентом: на концах – в ярко-медный цвет. Нос у девушки был прямой, тоже слегка загнутый книзу, но не вдавленный, а с аккуратной горбинкой. И при этом не гигантский шнобель, а очень даже красивый носик, гармонирующий с чертами лица. Брови – тёмные, густые, с небольшим изящным изломом. Губы – аккуратненькие и полные, как у куклы.

Первый и Ханни поначалу решили, что ей нет и двадцати. Впрочем, они немного ошиблись: не учли особенностей расы, наделённой столь необычными отношениями со временем.

Ну а самое странное творилось у девчонки с глазами. Первый даже слегка испугался. Но Ханни потом объяснила: контактные линзы. Чёрт, да это было ещё более странным, чем крашенные патлы! Все они здесь одевались в светлые больничные робы и в мягкие тряпичные тапки. Ни на Первом с Ханни, ни на парне-новичке не было никаких украшений и излишеств. А тут – на тебе! Цветные линзы! И не какие-нибудь, скажем, фиалковые, с имитацией естественного сосудистого узора, а наоборот: очень большого радиуса, без рисунка и просто сплошного... ярко красного цвета! Как у кролика или лабораторной мыши. А затем ещё и выяснилось, что девчонка шикует, меняя цвета! То линзы были красными, то жёлтыми, то ядовито-розовыми, а то радиоактивно-зелёными! Также у неё на запястье болтался браслетик из мелких красно-розовых бусин. Ну вообще чудеса! Ханни

даже возмутилась таким пристальным вниманием Первого, кажется, к юной японке, прошив его негодующим взглядом.

– Не привык ещё? Только на неё и смотришь... Так и прилепился глазами!

Первый аж вздрогнул. Ведь он просто разглядывал линзы! Однако он тут же нашёлся с ответом (ему давно ничего не кололи в вену – голова варила как надо). Одарив Ханни обезоруживающей улыбкой, он произнёс:

– А вот и нет, Ханни. Я смотрю только на тебя.

И от этого сам покраснел, но зато сумел вызвать у Ханни сдержанный польщённый смешок.

Глава 3. Другие

Прошло две недели. Вокруг Первого и Ханни продолжали появляться новые люди, и маленький зал столовой заполнился почти под завязку. Все запреты давно были сняты. «Пациенты» свободно общались, подсаживаясь друг к другу за столики.

В первую очередь Ханни и Первый установили контакт с молчаливым новичком. Оказалось, парень носит забавную кличку: Фид, от английского слова «feed» – «поддержка». И он – самый что ни на есть обычный парень с обычными именем и фамилией, двадцати четырёх лет от роду. «Федя Филиппов» – смущённо отрапортовал он в ответ на расспросы Ханни. Она тоже представилась (правда, опустив военное звание).

Выяснилось, что Фид попал сюда примерно так же, как Ханни. То есть СЛОМ буквально выкупил его у исполнительной системы. Только проступок Фида всё же был куда безобиднее. Обычный сетевой фишинг¹ и мошенничество с банковскими картами. Попался он по глупости и, чего уж там, сильно испугался. В общем, согласился работать здесь на добровольно-принудительной основе. Заполнил много-

¹ Фишинг (от англ. «fishing» – «рыбная ловля») – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение личных данных пользователей, их логинов и паролей.

томные анкеты и подписал соглашение о неразглашении. Хотя разглашать-то ему всё равно пока было нечего. Да и некому, потому что телефон у него забрали ещё при аресте, да так и не вернули.

Привезли его сюда в фургоне без окон и тоже заперли в палате, как других. На вопрос Ханни о том, сколько времени он провёл в пути, Фид ответил, что примерно два дня. Еду ему приносили в фургон, снабжённый биотуалетом. Если он и видел какие-то обрывки местности сквозь приоткрытые двери, то ничего конкретного сказать по этому поводу не мог. Старый и не очень старый асфальт, белая разметка дороги, обрывки чахлой зелени по бокам, обычные магазинчики.

Ханни присвистнула и впиалась в него допросом с пристрастием. Фид занервничал и поспешно заверил её, что не видел никакого моря и пальм, или надписей на другом языке.

– Два дня... – протянула Ханни. – Это не так много... Что ж... Кажется, мы по-прежнему в своей стране.

И Первый не стал уточнять, какую такую страну она считает своей. Подумал, что речь всё о той же, в которой жил и работал Толь. А с национальной идентификацией дока у Первого не было проблем. Да и Ханни, пожалуй, тоже, несмотря на её странноватое имя. Хотя... Он мог сильно ошибаться, учитывая, что все знания о внешнем мире всплывали у него из глубин подсознания. До названий конкретных стран и до их расположения на карте дело доходило

с трудом. Эти знания у него появились в результате опытов Толя. «Информационное воздействие в сочетании с эффектом Препарата» – так называл это док. И знания были обрывочными. Первый не ведал, откуда взялся он сам и имел ли вообще гражданство какой-либо страны. Судя по тому, что его просили расписаться в бумагах, вроде бы имел. Или, может, собирался обрести. А может, и нет. Может, эпизод с бумагами – просто театр. Комедия для отвода глаз.

Пару дней Первый снова не видел Ханни, но уже не так волновался, полагая, что у них просто что-то не совпало в расписании. Или это замысел СЛОМа? Не важно. Он сел за столик к Фиду. Тот всегда был немногословен. Даже молчалив. Не говорил почти ничего кроме: «Привет, как дела?» Но обедать с ним всё же было лучше, чем совсем одному. Первый как-то привык к компании. Недаром же большую часть своей осознанной жизни он провёл за решёткой, сквозь которую абсолютно всё видно.

На следующее утро у Первого произошло кое-что новенькое: санитар пришёл за ним в комнату и провёл его путаницей коридоров в анфиладу сообщающихся помещений. Там обнаружился небольшой спорт-зал, после него – туалет, общий душ, а дальше (вот сюрприз!) полноценный двадцатипятиметровый бассейн. Рядом не было никого, кроме конвоира, и вокруг стояла тишина.

Первый сделал неуверенный шаг. Его не заинтересовали

тренажёры, и он с отвращением покосился на боксёрскую грушу, вспомнив опыты Толя. А вот к бассейну подошёл вполне охотно. Даже ещё не зная, умеет ли он плавать, Первый присел на корточки у бортика и потрогал воду. Вода была холодной, но не ледяной, и ему ужасно захотелось залезть в неё. Он с сомнением оглянулся, но конвоира уже не оказалось у двери. Значит, Первому предоставили полную свободу действий. Задрав голову, он глянул на потолок. Там висела одна единственная видеочамера, направленная прямо на него. Понадеявшись, что его всё же не бросят – прибегут спасать, если он начнёт тонуть, – Первый скинул больничные штаны, балахон и, оставшись в трусах, подошёл к хромированной лесенке.

Ступеньки были ребристыми и приятно охладили стопы. А уж когда он опустил ноги в воду, то по яркости и новизне ощущений это было почти сравнимо с тем, что он испытал тогда с Ханни. Первый решительно ступил на дно бассейна, жмурясь от удовольствия, но не вполне понимая, что же делать дальше. Вода была ему по грудь, и выложенное плиткой дно плавно уходило вниз. Нежная голубизна воды превращалась в густую синеву. На противоположном конце бассейна были установлены тумбы для ныряльщиков и хромированные поручни для какого-то особого старта.

Первый не был уверен в своих силах. Он давно позабыл то состояние, в котором пребывал в день побега. Может, дело было в «лечении» СЛОМа. Возможно, оно свело на нет

действие Препарата. Или просто последний укол, сделанный на брудершафт с Толем, как-то ему «не зашёл».

Он опять поднял голову. Камера чуть повернулась, нацелившись точно на него. Странно, но это придало Первому уверенности. Он закрыл глаза, и ряд видеообразов пронёсся в его голове. Не размыкая век, Первый мягко лёг на воду и поплыл. Совершенно легко, естественно, неспешно выбрасывая вверх прямые руки и вновь опуская их в воду почти без всплеска. Поворачивая голову то вправо, то влево и глубоко, свободно вдыхая. Чувствуя, как вода образует вокруг тела водовороты, наслаждался её прохладным скольжением по коже. Энергично, но плавно загребая руками, используя инерцию толчка. Он был у противоположного бортика за каких-нибудь десять гребков и на автомате, не думая, оттолкнулся от него, сделав полу-кувырок.

Судя по ощущениям, плавал он не меньше часа, пока не начал мёрзнуть. Когда наконец поднялся по хромированным ступенькам, подрагивая и роняя на кафель холодные капли воды, электронные часы у входа показывали тринадцать ноль два. Первый грелся под струями душа, поворачиваясь из стороны в сторону, подставляя им то грудь, то спину – зная, что его никто не поторопит.

Вдоволь наплескавшись, он отыскал на стене ряд крючков с полотенцами и взял одно, промокнув тело и особо тщательно растерев голову. Здесь по-прежнему не было зеркал, но Первый понял, что в этой новой жизни его так и не подстриг-

ли. Волосы сильно отросли. Они падали на глаза длинными тёмно-русый сосульками. «Но когда они высохнут, то станут светлее, и... кажется, скоро придётся заправлять их за уши». Первый потряс головой и слегка разобрал пряди пальцами, чтобы чёлка не закрывала обзор.

Тут он понял, что столкнулся с проблемой. Не подумал о том, что делать с мокрыми трусами. Ведь тонкие больничные штаны будут просвечивать хоть с ними, хоть без них... Но на выходе из душа обнаружили ряды полок, на которых он нашёл запечатанные пакеты с бельём и с новенькими больничными робами. На полу стояла пластиковая корзина с крышкой – явно для мокрых полотенец. Первый забросил туда и трусы, понадеявшись, что уборщики не сочтут это свинством. Затем распечатал упаковку с какими-то иероглифическими надписями.

Трусы были белыми, с узором из мелких зелёных крокодильчиков. Первому это показалось забавным. А ещё он подумал, что не сто́ит судить о географическом положении СЛОМа по этой упаковке. Либо это какой-то известный бренд... либо на белье «пациентов» всё же сильно экономят. Подозрительная мелочность для организации с замашками на высочайшую секретность.

Одевшись, Первый вышел в спортзал и направился к двери в коридор. Там его уже ждал санитар. Неудивительно, ведь за ним наблюдали при помощи видеокамер. Санитар проводил Первого прямиком в столовую, продемонстриро-

вав ему новый маршрут. Потрясающе: вокруг было полно незапертых дверей, а за ними – какие-то кабинеты и комнаты. И Первый их все запомнил. После плавания в голове у него заметно прояснилось. Он вроде бы даже почувствовал, что к нему начало возвращаться его специфическое чутьё.

В столовой Первого ждал и приятный, и тревожный сюрприз: там было очень людно. Похоже, все «пациенты» сегодня собрались вместе. Пара незнакомцев держалась пока сами по себе, но в середине зала столы были сдвинуты вместе, и за ними расселась довольно внушительная компания. С краешку, спиной ко входу, сгорбился над тарелкой Фид. По другую сторону, в центре, сидели две азиатки, а рядом... вот радость, Ханни! И она уже вовсю общалась с азиатками! Их шушуканья и приглушенные смешки разбавляли напряжённую тишину.

Ханни подняла глаза, и одновременно с ней то же самое сделала девушка с цветными линзами. Первый прямо-таки растерялся. Его взгляд невольно соскользнул с голубых радужек Ханни, встретившись с ядовитой зеленой линз. Ханни вскинула бровь и дёрнула уголок рта, беззвучно усмехнувшись. Первый ступешевался, но всё же подошёл к столу. Он хотел сесть напротив Ханни, но она обожгла его таким взглядом, что Первый инстинктивно придвинулся поближе к Фиду, чуть не вытолкнув того за край стола (лишь бы не сидеть прямо перед радиоактивными линзами, да и слишком

уж близко к маленькой смуглой женщине, источавшей осязаемую угрозу).

– Приятного аппетита... – рассеянно улыбнулся он, поймав колкий, морозный взгляд.

– Ага, – сухо бросила Ханни. – Кстати, знакомься. Это Айджан и Рейко.

Он так резко повернул голову, что аж хрустнули позвонки, и поспешно обменялся с женщинами вежливыми кивками. «Очень приятно. Я – Первый». Бегло глянув на их лица, он заметил над верхней губой у казашки, слева, вертикальный шрам, прячущийся в сети морщин. А вот лицо девушки, напоминавшей японку, вблизи было всё таким же безупречным. Гладкая бледная кожа, необычный разрез глаз, прямой нос... Она бы могла красоваться на фото в тех журналах, что подсунули Первому... Если бы не жутковатые линзы. Да ещё в её левой брови была выбрита косая полоска. Первый едва не расхохотался, углядев в этом новое сходство между двумя азиатками. Левая бровь, левая губа...

Они ели, бодро переговариваясь. Первый и Ханни рассказывали о том, кто они такие, а новенькие вроде бы даже не особо и удивлялись. А у Первого по спине пробежал холодок от истории Айджан. Ему подумалось, что она со своими «подвигами» ещё, может, переплюнет Ханни.

Айджан тоже выкупили у властей, как и с Ханни с Фидом. Но в отличие от Фида у Айджан ситуация была куда серьёзней. Ей уже перевалило за сорок, и последние лет семь она

провела в женских тюрьмах. Но тяжёлые условия вовсе не сделали её слабой старухой. Наоборот. Её тело было подтянутым, сухощавым, руки – крепкими, жилистыми, и когда она резала на куски свой бифштекс, под кожей проступали компактные, но упругие мускулы.

На вопрос, за что её осудили, она ответила прямо, без увёрток или бахвальства. Рассказывала она ясно, коротко и со специфическим шипящим акцентом. Вероятно, как и все здесь, она понимала, что нет смысла врать. Всё давно уже известно тем, кто снимает их на скрытые камеры.

Почти всю свою жизнь Айджан была «нелегалом». Моталась от границы к границе, от города к городу. Перевозила наркотики, участвовала в организации публичных домов с определённым уклоном, где кроме «основного товара» в меню были героин и гашиш. Айджан могла выполнять и функции вышибалы. Не то чтобы она виртуозно владела боевыми искусствами – так, немного дзюдо, немного национальной борьбы... Но это уже потом, а сначала – просто кулаки, зубы да нож в сапоге.

– Как вы здесь оказались? Как вообще получилось так? – вытаращился на неё Первый.

Айджан рассмеялась. Сейчас в её лисьих глазах было меньше предостережения.

– Эх, мальчик, тебе с самого начала? Кстати, давай просто на «ты»... Ну как-как? Представь, что тебе шестнадцать, твой аул – кучка юрт посреди степи. Делать нечего, разве что

коз доить. А ещё тебя хотят выдать за старого вонючего аксакала.

Граница недалеко. Ну я и сбежала. Правда, там потом... тоже было не очень. Обманул меня один мальчик... Такой же миленький и хорошенький, как ты!.. Но я научилась выживать. Искала знакомства, контакты... И в итоге меня взяли в дело.

Пару раз я попадалась, но успевала сбросить товар. Проводила пару месяцев в КПЗ... А один раз меня взяли только из-за просроченного паспорта. Глупо вышло. Просидела полгода. Потом мне помогли сделать левые документы... Ну вот. Так я и жила. Челночила² много лет.

Ну а в последний раз мне совсем не повезло. Подставили нас тогда. Никто не предупредил об облаве. Прямо в нашем подвальчике и взяли... Влепили по полной. Пожизненное. За торговлю наркотиками, за фальшивый паспорт, за бордель.

Я привыкла уже к тюрьмам. Знала, как вести себя, чтобы не сдохнуть. Тем более что суд был долгим, меня вечно переводили из одной тюрьмы в другую. Но тут... Случилась у нас в столовой драка. Две лохудры что-то не поделили. Одна крикнула, мол, у другой заточка. Та истернула, ну и началось.

² Челночить – сленговый глагол, происходит от слова «челнок» (часть ткацкого станка или швейной машинки, быстро бегающая взад-вперёд, продевая нить). Появилось в русском языке в 90-е. Челноком называли мелкого торговца, ввозившего товары из-за границы для продажи, не всегда легально.

И всё бы ничего, я бы отсиделась в сторонке, но наехали на мою соседку по камере. Хрень какая-то вообще! Налетели ни с того ни с сего! Мне потом показалось, что в тот день нам в еду подмешали какой-то дряни... И пошла повальная драка. Что-то вроде спонтанного бунта.

Я соседку мою защищала, как могла. Одной вывернула челюсть, другой пробила башку... Вот только их было много, а нас – всего двое. И заточки там кончено имелись... В итоге достали мою Альку. Ткнули сзади пером в почку, а я ничего сделать не успела. К нам пробились охранница и тюкнула меня дубинкой по башке.

Очнулась я уже здесь. Ну, то есть не совсем здесь, а в каком-то другом отделении, потому что меня потом тоже долго куда-то везли. Ну не суть... Дали мне на подпись бумажки... Вы, мол, Айджан Ерланкызы, теперь состоите в штате сотрудников нашей фирмы. В графе должность – «разнорабочий». С открытым сроком договора.

То есть получается, в тюрьму я не вернусь, пока их всё будет устраивать. А зачем это? От меня ничего не хотят. Сижут тут на казённых харчах. А везде ходят эти... которые вроде санитаров...

Айджан замолчала и грустно уставилась в никуда. Первый украдкой глянул на неё и заметил, что на фалангах её тонких коричневых пальцев вытатуированы какие-то буквы. Прочсть их не получалось – работа была старой и довольно халтурной. Но, кажется, начиналось там что-то на букву

«А». Может быть, сокращение её собственного имени. Ну а на другой руке, возможно, имя того, кто ей был когда-то дорог.

Фид как-то особенно съёжился, и вообще все поникли. Но Первый решился нарушить тишину:

– А вы с Рейко... как... давно сдружились? Она тоже из... Или вы...

– Чего? – Айджан повернулась к Первому и, вдруг присунув от смеха, постучала костяшками ему по лбу. – Да просто соседки мы здесь!

Брови Первого взмыли вверх, и Айджан расплылась в улыбке.

– Когда я совсем проснулась... Гляжу – ремней-капельниц уже нет. Всё плывёт, голова гудит, рядом – никого... Встала, вышла в коридор. Смотрю – и там пусто... А потом она вышла. Такая молоденькая, испуганная, шатается... Говорю: «Не бойся меня! Пойдём... Поищем кого-нибудь вместе...» Вот. Так и подружились.

С Рейко всё оказалось ещё интереснее. Биологический возраст СЛОМ, вопреки догадкам Ханни и Первого, определил, как двадцать один год. Сама Рейко ничего не помнила, кроме трёх последних лет, да и тут не была до конца уверена в том, как давно она осознаёт себя. А затем с ней случилось то, что у Первого вызвало живейший интерес.

– Рейко меня прозвали уже там, – сказала она. – Я думала,

это вроде собачьей клички. Оказалось, японское имя... Что до этого было – не помню. Только какие-то обрывки. Но и они, возможно, вроде глюков... Вроде бы море, порт... Водорослями пахнет и... дохлыми улитками. Сети рыбацкие, лодки, яхты побольше... Звук такой характерный: всплески и тихий стук. Что-то бьётся о пристань, хотя большие лодки обвешаны снаружи покрышками.

Вроде я была не одна. С другими девчонками и парнями... Жили прямо там. Прятались под сваями причала. Но потом... ночью... пришли какие-то в форме... Вроде нас куда-то зовут. Мы идём. А того, кто не идёт сам – тех хватают и тащат... Куда делись другие – не знаю. Я всё время была одна. А может, и нет. Были, кажется, и другие... Но оставалось их всё меньше и меньше. А вскоре... Меня заперли в пустой комнате. Примерно такой же, как здесь. Иногда приходили со шприцем, иногда звали с собой... Вели в большой кабинет и кололи уже там. Ставили капельницы и... показывали картинки. Видео...

Тут Первый не выдержал и подался вперёд, перебив её:
– Доктор Толь, да? Всем командовал доктор Толь?!

Рейко глянула на него удивлённо, но не очень живо. Скорее, растерянно. А вот Ханни усмехнулась. Её брови иронично взмыли вверх.

– Расслабься, Первый, – ввернула она. – В последние лет пять Толь не выезжал в портовые города и с девчонками дел не вёл. Ну, насколько знаю я... – она грустно хмыкнула. –

Мы всё время были на базе, и ваш «цирк» из «мальчиков»... был единственным тестовым крылом.

– Может, раньше?! Может, она не помнит?

– Нет, – подхватила Рейко. – Там были врачи. Но главной среди них была женщина... Их имён я так и не узнала. Позже со мной занимались другие люди, а уколы делали простые медсестры.

– Другие люди? В смысле? – всё настаивал Первый.

– Как он, – кивнула Рейко на Фида. – Хакеры, айтишники... Мне сказали, что уколы развивают мою кратковременную память. Усиливают способность к восприятию и мгновенной систематизации данных... Короче, к получению инфы и к её анализу... Меня стали тренировать. Учили писать... а потом и ломать программы. Просто сёрфить³ по сети... кайтить⁴ юзеров⁵, что-то находить...

Все уставились на Рейко. Ханни – с тенью уважения, Первый – чуть ли не в ужасе, а вот Фид, кажется, с благоговением. А она всё рассказывала, даже почти не смутившись:

³ Сёрфить (от англ. «surfing» – «катание на волне», сетевой сленг) – выражение «сёрфить по сети» означает «бродить по всемирной паутине, быстро просматривать множество интернет-страницы, особо не вчитываясь в их содержание».

⁴ Кайтить (игровой сленг) – происходит от англ. «kite» – «хищник, сокол», а также «воздушный змей». Означает «наносить противнику урон издалека, не подпуская его к себе и уворачиваясь от его атак». Здесь использовано в значении «дразнить интернет-пользователей, выманивая их персональные данные».

⁵ Юзер (от англ. «user» – «пользователь») – пользователь компьютера и абонент интернет-сети.

– В общем-то, ничего особенного. Давали мне какие-то левые задания... В стиле: «Что известно о смерти Ким Чон Нама?» И я искала... Порой взламывала аккаунты блоггеров... Даже что-то узнавала, но не особо много. Меня потом заставляли писать об этом отчёт. А иногда – вслух читать его. Весело... Кажется, так я заново научилась говорить.

Все молчали. Первый думал о том, как же всё это неспроста. Тут у них собралась прямо-таки отменная команда. Два хакера, два... нет, даже три бойца, учитывая Айджан. Причём эта женщина, кажется, спец по скрытным действиям вроде незаконного перехода границы, в то время как Первый – грубая сила. Ну а Ханни – стратегия, тактика. Квалифицированный командир. И ещё неизвестно, какими талантами обладают те двое мужчин, что сидят тихонько в углу. Они не подходят, не садятся за общий стол, но и не покидают зал – явно слушают разговор. И конвоиры им это позволяют, даже поощряют. К чему бы всё? Напоминает амбициозные планы доктора Толя. Что-то там о диверсиях с целью «поддержания глобального мира».

– А сюда меня привезли недавно, – продолжала Рейко. – Видимо, одновременно с вами. Как-то я проснулась... ещё там, на нашей... базе? Блин! Не хочу вспоминать! В общем, все погибли... Не знаю, что это было. Кажется, на нас напали. Все умерли. Мои... учителя... лежали в своих комнатах. Везде кровь... Ай, не хочу!.. Если кто-то и остался в живых, то я не нашла... Меня схватили. Надели что-то на голову,

чтобы я не видела. Сделали укол... А потом я уже здесь очнулась... Дали мне какие-то бумажки на подпись. Там говорилось о том, что ликвидирован незаконный исследовательский лагерь. О том, что я – лицо, не подготовленное к самостоятельной жизни – перехожу под временную опеку...

– Ясно, – перебила Ханни, не то жалея её, не то торопя закругляться. – Слушай, ну это все понятно, но... для подопытной выглядишь ты как-то странно. Я-то о них не понаслышке знаю, уж поверь мне. Вон хоть на Первого глянь! Весь зарос. Ни подстричься, ни одеться по-человечески...

Все посмотрели на парня, и тот смущённо усмехнулся, потряхнув ещё влажной чёлкой.

– Но ты... ты вроде как... обычный подросток. Ну, то есть не по возрасту, а... я имею в виду... что-то типа «неформала». Волосы выпрямлены... Покрашены готичненько, до половины... Бровка выбрита, фенька на руке...

– Ну... – Рейко подняла руку с браслетиком из бусин, ещё больше погрузнев. – Это мне подарил один парень... Который меня учил программированию... Я не видела его мёртвым, но... Я не вижу его и здесь, так что... Ну а волосы мне покрасила одна крутая девчонка. Она говорила, что не живёт в нашем «санатории», а только приходит посменно. Но у неё была там своя комната со всякими крутыми штуками... Правда, теперь я думаю, что её специально ко мне подослали. Развлекать... А вообще, мне ведь многое разрешали. У меня был персональный комп. За моими действиями следи-

ли, но не так чтобы очень строго. Мне разрешали лазать по сети, читать блоги. Я даже завела свой собственный... Правда, писала там одну чушь. Репостила⁶, взяла левую аву⁷. Это можно было. Это ведь всё неправда... Не знаю, зачем мне? Но никто не запрещал. Наверное, тоже для учёбы... Я слушала музыку. Разные прикольные группы. Электронику, инди...⁸ Типа круто. Хотела быть, как они... Ну а линзы... С виду это тоже оттуда. Но вообще-то... это мой новый рабочий инструмент.

Все едва ли не разинули рты (кроме Айджан, которая об этом уже знала). А Рейко принялась объяснять:

– Мне их выдали в «санатории». Совсем под конец уже, где-то за месяц до... Сказали: экспериментальная технология. Краситель... что-то там фотохромное. Молекулы меняют свою пространственную конфигурацию, но не под действием света, а под действием радиоволн. Туда встроены мельчайшие хематофоры⁹. То есть они могут светиться, ко-

⁶ Репостить (от англ. глагола «to post» – «отправлять, вывешивать», с приставкой «re-» в значении «повторно, вновь») – делать запись в соцсети путём публикации на своей странице записи другого пользователя в её первоначальном виде с сохранением ссылки на источник.

⁷ Ава – сленговое сокращение слова «аватар». Аватар – иконка, используемая в соцсетях для графического представления пользователя, то есть его «фотография».

⁸ Инди-рок (от англ. «independent» – «независимый») – термин для обозначения различных направлений музыки, причастных к контркультуре и имеющих некое отношение к року. Также существует поджанр «инди-поп».

⁹ Хематофоры – пигментсодержащие светоотражающие клетки земноводных,

гда надо и как именно надо. Уж не знаю как это получается... Но они программируются и выводят инфу... ну... фактически, прямо в зрачок. Сейчас я вижу только часы и примитивную карту доступных нам коридоров. Но потом, наверное, будет больше. Сейчас ведь только начало...

Все ахнули. Фид подался вперёд, впившись взглядом в линзы. Даже Первый не выдержал и стал всматриваться в неоновую зелень. И вроде бы правда увидел в её глубине намёк на мельчайшие искорки «диодов». Рейко всё-таки смутилась и опустила взгляд. Все очнулись. Первый кашлянул и буркнул: «Прости...» Рейко, тихо хихикнув, продолжила:

– Сначала была одна пара линз. Но уже здесь, когда я совсем очнулась... нашла на столике ещё две. Две пары в специальных контейнерах. Видимо, это на потом, ведь они снашиваются со временем. Но пока я пользуюсь старыми. Пробую всякое, но результат пока почти нулевой.

– Всякое? – взялась за неё Ханни. – Так у тебя тут комп и есть?

– Да, – как само собой разумеющееся, подтвердила Рейко. – Только не думайте, что всё по-старому. Это – так, фигня... У меня здесь нет выхода в сеть. А из софта¹⁰ – только блокнот, чтобы писать программы, да пара быстрых конструкторов для того же. Карту я сделала сама, ничего слож-

рыб, рептилий, головоногих и ракообразных. Способны менять окраску, переориентируя светоотражающие плашки.

¹⁰ Софт (от англ. «software») – программное обеспечение.

ного... А, ну ещё есть что-то вроде телефона. Чтобы линзы программировать радиосигналом. С той же прогой для них, которую мои учителя создали ещё до меня... Я кладу линзы на ночь в контейнер, подключённый к электросети через понижайку¹¹, и запускаю обновление на «телефоне». Видимо, они там как-то обновляются и подзаряжаются... А телефон без мобильной сети. Без симки, без интернета. Здесь нет и точек доступа. Ни открытых для всех, ни как будто вообще никаких. Не видно телефонов и у санитаров. Клетка Фарадея...¹² Но, сдаётся мне, это ненадолго. Ведь за моим компом следят по проводной локалке¹³. Проверяют, что я там пишу.

Ханни выразительно глянула на Первого: мол, что-то заговорились мы... Первый ответил ей взглядом в стиле «Не ссы!».

Затем повернулся к Рейко и спросил:

– Так... почему цветные-то? Говоришь, другие упаковки ты не открывала... А я видел на тебе ещё жёлтые и красные. Что-то я не понял...

– А... – лукаво ухмыльнулась Рейко, а Фид глянул на Первого, как на имбецила. – Ты ещё сиреневые не видел... Вот

¹¹ Понижайка (профессиональный сленг) – понижающий преобразователь напряжения в электросети.

¹² Клетка Фарадея – устройство, изобретённое английским физиком и химиком Майклом Фарадеем в 1836 году для защиты аппаратуры от внешних электромагнитных полей. При попадании в неё электрического разряда он проходит по её поверхности, не проникая внутрь.

¹³ Локалка – локальная сеть, объединяющая между собой компьютеры без выхода в интернет.

это психоделика!¹⁴ Прикольно же?

У Первого начала отвисать челюсть. Тогда Рейко пояснила:

– Они фотохромные, говорю же! Или «радиохромные»... Как правильно? Программируемые, короче. Не только выдают инфу, но и могут менять внешний вид. Я пока написала прогу только на восьмибитные цвета¹⁵. Но если долго париться, можно нарисовать что-то хитрое. Например, узор радужки... или зрачок змеи... зебру, светофор... сделать линзы-хамелеоны.

Это произвело новый фурор. И вот нет бы всем и дальше восторгаться словами Рейко... Но тут подал голос въедливый Фид. Как-то солидно выпрямившись, подтянувшись, расправив плечи, он упёрся локтями в стол и задумчиво соединил вместе кончики растопыренных пальцев – принял вид этакого коварного экзаменатора, готового задать студен-

¹⁴ Психоделика (от др.-греч. «psyche» – душа и «delos» – ясный) – стилистические черты, сложившиеся в молодёжной культуре в середине XX века и оказавшие влияние на моду и декоративный дизайн. Отличаются ярким, радужным колоритом, как бы имитирующим состояние транса, вызванного приёмом психоактивных веществ, и сложными орнаментами, восходящими к традиции стиля модерн. Также психоделика получила распространение в музыке (психоделический рок, гоа-транс и т.д.).

¹⁵ 8-битный цвет – метод описания изображения, когда каждый пиксель кодируется одним 8-битным байтом, поэтому максимальное количество одновременно отображаемых цветов – 256 (2 в степени 8). При этом цвета имеют свои «имена». То есть цвета, которые использует Рейко, это: #FF0000 – красный, #00FF00 – лаймовый, #FFFF00 – жёлтый, #FF00FF – фуксия.

ту вопрос-ловушку. Пристально посмотрев на Рейко, он произнёс:

– Ну и что же известно о смерти Ким Чон Нама?

Все затаили дыхание. Рейко рассеянно пожала плечами.

– Не знаю. Я добралась до какого-то почтового ящика в сети. Аккаунт принадлежал одному пухлому крутому мужичку с прикольной стрижкой... Но вы же понимаете: фотку и имя кто угодно может запостить. Акк старый, тогда ещё не требовали номер телефона... Я взломала ящик. Интерфейс там автоматически переводит всё на понятный язык. А ещё меня немного учили английскому... Но внутри письма оказались сплошные иероглифы. Я решила прогнать их через онлайн-переводчик, и тут...

– Что?! – разом выдохнули Фид и Ханни, вытянувшись в струнку.

– Меня отрубили от сети. А в локалке вылезло сообщение: «Спасибо. Мы довольны. Можешь не писать отчёт».

Глава 4. Речь Кэпа

Теперь из обеденного зала Первый уходил в компании Фида, который, как оказалось, жил совсем недалеко от него. Ну а Ханни, Айджан и Рейко от дверей столовой свернули влево, направляясь в женское крыло. В комнате Первого ждал новый приятный сюрприз: на стене в душевой появилось просто огромное зеркало. Настоящая зеркальная панель высотой от пола до потолка, в метр с лишним шириной. Правда, изображение в ней было слегка размытым, и Первый решил, что это не стекло, а безопасный пластик. Зато наконец-то он смог рассмотреть себя с ног до головы.

Ничего неожиданного: довольно обычный, разве что удивительно крепкий парень. Светлая кожа, тонкий и сравнительно прямой нос, но со скошенной вправо горбинкой (намёк на заживший перелом). Скуластое, овально-треугольное, но не слишком уж вытянутое лицо, в котором есть общее сходство с чертами Ханни и Фида. Веки – без характерной складки над ними. Глаза – неопределённого цвета. Скорее зеленовато-ореховые, чем карие, с рыжей звёздочкой вокруг зрачка. Русые волосы высохли и стали сильно пушиться. Первый подумал, что неплохо бы их расчесать.

А вот насчёт фразы Ханни «весь зарос» – это не совсем так. На своём подбородке Первый обнаружил всего несколько длинных, неприятно извивающихся волосков. Вот и всё.

Его щёки оставались гладкими, и он сделал вывод, что Ханни говорила, скорее, о причёске. «Ну, это дело поправимое». Он поднёс руку к лицу, неуклюже скрючил пальцы и, покрепче подцепив тоже длинными, неприлично отросшими ногтями один из волосков «бороды», резко дёрнул, вырвав его с корнем. И даже не скривился от боли. «Разве это боль по сравнению с ударом Ханни?» Так что Первый решительно повыдергал все оставшиеся волоски. Для проверки он провёл ладонью по ставшему теперь гладким подбородку, не особо доверяя мутному зеркалу.

Да, так явно было лучше, и Первый всё на себя дивился, разглядывая вмиг похорошевшее отражение. Даже сложил пальцы граблями и пригладил как мог на макушке перепутанные пряди волос. Он уже почти оторвался от зеркала, но решил сделать ещё кое-что: торопливо задрав подол робы, глянул на свой живот. Да. Рельефный пресс. Странно, что за месяц бездействия он никуда не делся. «Это точно не спроста, – подумал Первый. – Ай да Препарат Толя... А может быть, и здешние вливания...» Налюбовавшись вдоволь, он отвернулся от зеркала. Вдруг в сознании промелькнула шкодная мысль: «Это вроде ведь нравилось Ханни?»

И тут в дверь постучали. «Легка на помине...» На пороге стояла Ханни собственной персоной. Она вздёрнула брови, окинув Первого ироничным взглядом.

– Можно войти?

– Входи... – растерянно произнёс он, отступая на шаг

и впуская её, а затем аккуратно прикрыл за ней откатную дверь.

Она осмотрелась вокруг, ничему не удивляясь, и вдруг упёрлась в него обжигающим взглядом.

– У тебя были волосы мокрые. Мылся перед ужином?

– Мне показали, где бассейн... – смущённо ответил он.

– А... Прикольно, да? Я там плавала голышом.

Первый чуть не поперхнулся слюной. В голове всплыли смутные образы: полутьма за решёткой, тусклые голубоватые блики на коже... Но он всё же сумел совладать с собой.

– Ты у Рейко смотрела карту?

– Не-а. Сама догадалась. Тут всего-то две дороги. Постучала наугад, и прикинь! Сразу на тебя наткнулась... Что думаешь? Есть какие-то мысли, во что мы вляпались?

Он молчал, соображая, что ответить. А Ханни, вновь бегло оглядевшись, вдруг шагнула к заправленной кровати и, крутанувшись на пятках, плюхнулась на её край. Теперь, когда она сидела, а Первый остался стоять, ясные глаза Ханни смотрели на него снизу-вверх, как-то очень незащитно. И они больше не улыбались.

Первый смутился, но рассудок снова взял верх. Думать становилось всё легче. Казалось, если ему опять не начнут ничего колотить, он вот-вот сможет вспомнить что-то очень важное. Ну а если к нему ещё раз попробуют прикоснуться иглой... он не будет долго раздумывать, позволять им это или нет.

– Кажется, я здесь подопытный, – ответил он. – С виду всё поменялось, но на самом деле – нет... И ты тоже, Ханни. Все мы. В СЛОМе что-то хотят от нас, но пока не говорят, что́. Зато сводят нас с другими такими же... Ты ведь и сама поняла?

– Ага. Как только оказалась с тобой за одним столом. Мы должны притереться друг к другу, образовать прочные... дружеские связи. Вероятно, мы им понадобились... для какой-то сомнительной затеи. Опасной затеи. Им нужна сплочённая команда из особых специалистов и бойцов. Возможно, это что-то незаконное. Какая-то задача, а не опыты. Ну или... я не знаю... они проводят социальный эксперимент.

Первый прыснул от смеха, но вот Ханни не засмеялась. Дёрнув бровью, она резко произнесла:

– А ты, я смотрю, серьёзно за задачу взялся. Весь вечер строил глазки Рейко! И не говори, что разглядывал линзы. Мог бы уже привыкнуть... Как она появилась, только на неё и пялишься...

Он аж вздрогнул. Что-то сжалось у него в груди, отдаваясь в горле мерзкой щекоткой.

– Нет, Ханни... Только на тебя... – с косенькой улыбкой протянул он, не отрываясь от холодных голубых глаз, и шагнул к ней.

Со лба Ханни стёрлась вертикальная морщинка. Она подняла руку и дёрнула Первого за пояс штанов, опрокидывая его на кровать.

Он бухнулся прямо на Ханни. Правда, оказался чуть повыше, чем следовало бы. Ханни расхохоталась и цапнула его через рубашку за сосок. Первый ёрзнул, спускаясь ниже, вдавив её в упругий матрас. Под его весом из лёгких Ханни с шумом вырвался воздух.

Он целовал её в шею, а она стаскивала с него больничный наряд. Оторвавшись на миг, Первый выдохнул:

– Они всяко наблюдают...

– И что? – сквозь дрожащее дыхание бросила Ханни. – Раньше-то тебя не напрягало...

– Раньше я был другой... – прорычал он, но остановиться уже не мог.

Только перевернулся на спину, так что Ханни оказалась сверху, закрыв его собою от камер. Перед глазами мелькнули сложные обрывки видений, и настоящее слилось с ними воедино под милые смешки Ханни и звук поцелуев.

Они лежали в темноте. Лампы в комнате погасли сами собой – так бывало во время отбоя – но возле двери в санузел, у пола, светился ночник-ориентир. Плечо Первого обдавало дыханием. Он ощущал близость Ханни всей своей кожей, всем телом. Это было новое чувство. Он не помнил, чтобы Ханни оставалась ночевать с ним на его тюремном матрасе. Бред, конечно. Вряд ли она поступала так. Слишком было бы это мрачно и грязно. И такого он, наверное, не забыл бы.

Осторожно шевельнув рукой, он прикоснулся к её воло-

сам, ощутив под пальцами их упругий шёлк. Наконец решившись, он разлепил губы и шепнул:

– Слушай, Ханни... А ты... не знаешь, кто я?

Повисла тишина. Раздавалось только мерное дыхание. Он решил, что не дожждётся ответа, но всё вслушивался, замерев. Его сердце затопил страх.

– И да, и нет... – наконец прозвучал тихий, медленный, печальный хрипловатый голос (этот голос очень нравился Первому – больше всех остальных, хотя в жизни он слышал не так много приятных голосов). – Ты обычный беспризорник. Маленький бродяга. Мы собирали таких для Толя по всем окрестностям. По окраинам городов... На свалках, под мостами... Понимаешь... Есть дети, выросшие не в семьях... не в детдоме. Может, кто-то просто убежал... и попался к нам. Теперь уже не узнаешь. После всей этой обработки... Вряд ли ты вспомнишь, Первый. Прости... И живи сегодняшним днём.

Он застыл, не в силах шелохнуться, сражаясь с подступившими слезами.

– Ты тоже меня прости, Ханни, – едва пробубнил он. – Я...

– Знаю, Первый. Боролся за свою жизнь. И ты мне это уже говорил.

Проснулся он от того, что его тряс за плечо санитар. Удивительно, но Первый не слышал, как тот вошёл. И куда подевалось всё его легендарное сверхчутьё? Впрочем, «боевой

санитар» – ведь на то он и «боевой санитар», чтобы превосходить «пациентов» во всём. Похоже, одним из его навыков было бесшумное проникновение в палаты.

С трудом разлепив веки и сонно мотнув головой, Первый обнаружил, что Ханни никуда не ушла: так и лежала рядом, обвив его руками и ногами, уткнувшись лицом ему в бок. Впрочем, она тут же проснулась, резко подняла голову и распахнула глаза. Её мышцы тревожно напряглись.

– Подъём, – буркнул санитар. – Через полчаса общий сбор.

Он отвернулся и исчез за дверью, никак не прокомментировав сцену. Ханни ловко вскочила с кровати. Не стесняясь щеголять нагишом, она стала грациозно и быстро собирать с пола разбросанную одежду. Собственно, из одежды-то были лишь нелепые хлопковые трусы да просторные верх и низ робы. Накинув один только верх, едва прикрывавший её аккуратные бёдра, сунув ноги в тряпичные тапки, Ханни выскользнула в коридор. На пороге она задержалась и оглянулась на Первого, хитро ему подмигнув. Первый тоже поднялся. Он застыл посреди комнаты в пламенном, хоть и запоздалом смущении, а потом поплёлся в душ. Минут через двадцать за ним пришёл тот же самый санитар и повёл его по лабиринту коридоров. Их конечной целью оказался довольно маленький конференц-зал.

Помещение было снова без окон. Холодный белый свет лился из матовых потолочных панелей. Тут были стулья, рас-

ставленные в три ряда – кажется, всего мест на тридцать. Напротив возвышалась кафедра. За ней на стене висел ролик свёрнутого матерчатого экрана. «Для видеопроектора» – понял Первый. Почему-то эта деталь показалась ему какой-то смешной.

Заняты были только три стула. В самом дальнем углу сидело двое мужчин, появившихся в столовой недавно и державшихся отдельно от всех. Первый ещё не успел познакомиться с ними, да и не особо стремился. Наверное, это из-за разницы в возрасте. Ему было вполне комфортно и в уже сложившейся компании. Ну а то, что Айджан гораздо старше – так это не в счёт. Она отлично вписалась в их слегка сумасшедший отряд.

В дальний конец второго ряда забился Фид. Кажется, он тоже решил, что придёт ещё много людей, и надо оставить место для них. Увидев Первого, он придвинулся поближе, и Первый подсел к нему. Вскоре появились Рейко, Айджан и довольно бодрая Ханни. Они устроились рядом с Первым. Затем вошёл ещё один парень. Совсем новенький – никто его раньше не видел. Парень поколебался, проскользнул к дальнему ряду и опустился на стул неподалёку от взрослых мужчин. Никто не сел в первом ряду. Чувствовалась в зале почти осязаемое напряжение. Но девчонки уже перебрасывались нервными саркастичными фразами. «Вот, наконец что-то новенькое, – подытожила Ханни, обернувшись к Первому. – Может, узнаем теперь, что к чему». И с улыбкой ему

подмигнула.

Вскоре «пациенты» затихли. В открытую дверь шагнул знакомый им всем человек. Мужчина с хитрыми глазками, просивший называть его Кэпом. Распахнутый белый халат был накинут на его плечи поверх официального костюма. Обычный тёмно-серый костюм, ничего общего с военной униформой. «Но это, – подумал Первый, – ещё ничего не значит».

Мужчина улыбнулся и кивнул в приветствии сразу всему залу. А в нём воцарилась такая тишина, что было хорошо слышно шелест лопастей вентиляционной системы. Мужчина встал за кафедру, окинув публику оценивающим взглядом. Видимо, сделав для себя какие-то выводы и вновь коротко улыбнувшись, он заговорил:

– С добрым утром, уважаемые сотрудники! Да, я говорю «сотрудники», а не называю вас как-то иначе, потому что все вы подписали с нашей организацией трудовой договор. Мы с вами фактически на равных. Я тоже, как вы понимаете, работаю здесь. И всё же хотелось бы, чтобы вы пока считали меня своим... трудовым руководителем. Я говорю «пока», потому что со временем ситуация слегка изменится. Но об этом позже. А сейчас давайте познакомимся. Меня зовут Владимир Васильевич. Я – исполнительный директор местного филиала СЛОМа. С некоторыми из вас я уже лично знаком. Ну а те, с кем мне не довелось побеседовать... Что ж, это ещё успеется... Ну вот. Теперь вы знаете моё имя. Но

я, как многим известно, предпочитаю, чтобы меня называли просто Кэпом. Это как-то... более неформально. Первоначальный шаг к плодотворному сотрудничеству.

Он дёрнул уголком рта (намёк на хитрую улыбку) и вдруг поймал взгляд Ханни. А может быть, Первому это только показалось: дали знать о себе нотки ревности в виду последних событий. Первый отогнал эти мысли, сосредоточившись на речи Кэпа.

– Как вы уже, безусловно, догадались, все вы здесь не просто так. И мы специально дали вам время на то, чтобы хорошенько познакомиться. Правда, познакомиться успели не всё, потому что некоторые из вас прибыли совсем недавно. Но поверьте мне, у вас ещё будет такая возможность. Я специально сейчас не называю имён, чтобы не лишать вас удовольствия узнать их лично. – (Вновь кривая улыбочка.) – Однако... Пришло время немного приоткрыть тайну. Рассказать, зачем вы здесь, и в общих чертах объяснить нашу с вами будущую задачу.

Итак... Ваша группа состоит из людей самых разных умений и знаний. Но, как вы, безусловно, заметили, всех вас объединяет одно. У каждого из вас... ну, почти у каждого... в той или иной мере имеются определённые уникальные навыки. А также способность проникать... или наоборот искать выход с охраняемых объектов. Повторюсь. Вам... – (Кивок в сторону Ханни и Первого.) – Ещё предстоит познакомиться с новоприбывшими людьми. И сначала может

показаться, что в их случае всё немного не так. Но уверяю вас, у них тоже есть... скажем так... некоторый рискованный опыт. И они обладают нужными профессиональными знаниями. Эти знания вам пригодятся в... ну, в общем, в тех испытаниях, которые вас ждут.

Так вот... Зачем вы здесь? – (Небольшая театральная пауза, а затем неизбежное откровение.) – От группы требуется проникнуть на засекреченный объект, расположенный на чужой территории, выполнить там ряд задач, собрать нужную информацию и вернуться с полученными данными.

Кэп замолк, впившись хитрыми глазками в зал. Повёл взглядом из стороны в сторону, вроде бы останавливаясь на каждом, но по-настоящему не глядя ни на кого. Повисла тишина. Однако напряжение не возросло. Куда уж там? Наоборот. Слушатели почти облегчённо заёрзали на сиденьях, оглядываясь друг на друга. Брови Рейко взмыли вверх, её маленький рот приоткрылся. Айджан что-то быстро шептала ей. Ханни придвинулась к Первому и с ухмылкой глянула ему в глаза. Мол, ну вот, я же говорила!

После паузы хитрый Кэп добавил пару уточнений:

– Детали я буду объяснять вам постепенно. И дело даже не в секретности. Не в соглашении о неразглашении, которое вы все подписали... Вы ведь у нас доверенная команда. Обсуждаете ситуацию исключительно между собой! Однако пока не стóбит перегружать вас конкретными данными. Сейчас у вас начнётся небольшая физическая подготовка. Групп-

повая, а также индивидуальная. Позже мы сообщим вам детали задания и займёмся тактикой действий. А сейчас мы ждём от вас всестороннего взаимного сотрудничества... Ну что ж... На этом пока всё. Успехов вам!

Он вновь посмотрел куда-то сквозь аудиторию, а затем изящно развернулся и вышел. В зале остался лёгкий шлейф его туалетной воды. «Пациенты» пару минут просто сидели молча. Никаких бурных дебатов. Только тишина да призрачный шум кондиционера. Потом они стали подниматься и, как оглушённые, медленно выходить в коридор. Кажется, тройка новичков поползла обратно в жилое крыло. Ну а Ханни с Первым, Айджан, Фид и Рейко, не сговариваясь, свернули в столовую. Как-то так исторически сложилось, что дебатам было самое место там.

– Ага, доверенная команда... – осклабилась Ханни, потягивая остывшее какао из казённо-белой керамической кружки. – Мы тут заперты, даже Рейко без доступа к сети. Неразглашение, как же... Впрочем, я таких типов знаю. Они специально напускают важности. Видимо, это просто что-то незаконное. Переход границы, промышленный шпионаж. Но... Как бы не получилось подставы. С инструкциями в стиле: «Если вас поймают – вы сами по себе».

Рейко тихо сидела рядом с Айджан, уставившись в пол. Айджан подала голос:

– Граница, точно. Я тогда зачем? Точно шпионаж. Рейко

– взломщик кодов. И ты, Фид...

Тот ссутулился, как обычно, с краешку составленных вместе столов, ковыряя ложкой в овсянке.

– Да. Наверное... – буркнул он, не поднимая головы. – Для какого-нибудь военного задания команда наша жидковата... И с чего бы вдруг? Куда нам, дилетантам...

– Вот и ладно, – резюмировала Ханни. – Рейко, не кисни! Всё будет норм. Скорее всего, ничего серьёзного. Так, игры в крутых промышленников... – она усмехнулась. – Вломимся на какой-нибудь частный заводик, скачаем пару чертежей... Просто это незаконно и неэтично. Поэтому и набрали команду, пардон, из зеков. В юридическом плане нам нечего терять... Ну, то есть всем нам, кроме Первого и Рейко. С вами не совсем ясно... Но ведь это же лучше, чем и дальше торчать в изоляции, ничего не зная о жизни, да?

Кажется, Рейко хотела ответить «да», но Айджан не то ущипнула её под столом, не то наступила ей на ногу, и девочка захлопнула рот. Айджан заговорила сама, видимо, решив, что и устное согласие девушки вовсе ни к чему в ситуации, когда всё здесь тайно записывают.

– Хорошо говоришь, Ханни-апай¹⁶. Но посмотрим, что время покажет. Выяснить надо, кто те трое мужиков. Может, они военные?

– Ну нет! – фыркнула Ханни. – Уж военных-то я узнаю!

¹⁶ Апай – в казахском языке форма вежливого обращения к матери.

Ты, Айджан-эжей¹⁷, глаза разуй! Больно рыхлые они для военных. Тоже небось какие-то спецы. Скоро с ними встретимся. Тогда и поговорим.

Новый разговор «пациентов» и правда не заставил себя долго ждать. На следующий день, до обеда, Ханни и Первого ненавязчиво пригласили в спортзал – в комнату где нашлось что-то вроде боксёрского ринга. Полкомнаты заложили матами, но верёвочных ограждений не было – просто этакое пространство для борьбы метров шесть на шесть.

Ханни и Первый спарринговали почти до вечера, прерываясь лишь на быстрые перекусы (им принесли воду и бутерброды), чертыхаясь от рьяного желания вырвать друг у друга победу. Первый вспомнил их смертный бой перед тем, как они попали сюда, да и Ханни явно думала о том же. Несмотря на свои скромные габариты, она ухитрялась выводить Первого из равновесия, бросая его через плечо с яростью заправского вояки. Первый злился, вскакивал и кидался на неё, почти не смиряя силу. Порою их даже приходилось разнимать дежурному санитару – самому плечистому и квадратному из тех, что они здесь видели (уже прозванному Кирпичом). Так что к вечеру у Ханни и Первого появились новые синяки и царапины от давно нестриженных ногтей.

– Круто... – выдохнула Ханни в итоге, тяжело хватая ртом воздух, да и Первый пытался отдышаться, согнувшись попо-

¹⁷ Эжей – вежливое обращение к бабушке на казахском.

лам на противоположном конце ринга.

После этого безобразия Первый, сердито сопя, отправился в местный душ, ну а Ханни не преминула сразу же воспользоваться бассейном. Первый с нею не пошёл, потому что вряд ли готов был увидеть сейчас голую Ханни. Ведь в бассейне-то всё-таки висели даже не скрытые камеры. А с таким уровнем адреналина в крови чем угодно могло закончиться их совместное плавание.

Вскоре оба они – распаренные, растрёпанные, избитые и приятно уставшие – приплелись в столовую. Ну а там вместо отдельных столов появился теперь один общий. Все члены их загадочной группы были вынуждены сесть вместе, чтобы окончательно познакомиться.

Одного из взрослых мужчин звали Фёдор. Удивительно, что в их небольшой компашке нашёлся тёзка Фида по имени. Фёдор ловко уходил от вопросов, почему-то не желая назвать свои фамилию и отчество. С виду он был, как говорится, очень статным мужчиной лет тридцати восьми, со щетиной на пол лица и с густыми тёмно-русыми бровями. Но в общении он оказался удивительно интеллигентным: даже извинился за свой внешний вид, объяснив, что пока ему было как-то не до бритья (или просто ни бритвенного станка, ни ножниц для стрижки ногтей ему так никто и не выдал).

Оказалось, по профессии он – что-то вроде инженера-проектировщика очень широкого профиля, способного не только чертить, но и эффективно орудовать гаечным клю-

чом и отвёрткой. И попал он сюда отнюдь не за какой-нибудь взлом сейфов. Нет. Ведь такого никак нельзя ожидать от интеллигента. Как выяснилось, он пытался продать за границу секретный проект реактивной турбины. Причём не из крайней нужды, а скорее, от любопытства. Интересно было, как это делается. А ещё он считал совершенно несправедливой систему оплаты труда, когда рабочий из цеха за грубый физический труд получает гораздо больше, чем сотрудник проектного отдела.

Второй взрослый мужчина тоже был крайне вежливым. По меркам Первого с Рейко он казался даже стариком. Седовласый пятидесятилетний интеллигент, конечно же, напомнивший Первому Толя (впрочем, просто потому, что тот видел не так много седых людей, да и сходство быстро развеялось из-за приторной мягкости новичка).

Звали его Леонид Павлович, по профессии – лингвист. И опять же, лингвист очень широкого профиля. Вообще-то, он специализировался на романо-германской группе языков, но в последние несколько лет как раз-таки заинтересовался тюркской группой. Здесь он был единственным «пациентом», который отлично помнил своё прошлое и при этом не имел судимости. Он попал сюда не из тюрьмы, не из клетки для подопытных, а из самой обычной, ничем не примечательной жизни законопослушного гражданина. Леонид Павлович просто искал себе более интересную должность, чем, например, переводчик в издательстве или препод в универ-

ситете.

– Как-то до завкафедрой дослужиться не получилось... – объяснял он. – Не создан я для подковёрных интриг... И вдруг ко мне обратился человек... Что-то вроде этакого западного хэд-хантера¹⁸. Сначала я отнёсся к нему с недоверием. Но потом почитал, погуглил... Выглядело всё это подозрительно, но в итоге... Они предлагали такую сумму... Предлагали за месяц столько, сколько я не зарабатывал и за год!.. Я, конечно, сомневался. Но у фирмы был довольно солидный сайт... Они дали мне ознакомиться с анкетами, которые надо заполнить при найме на работу. Серьёзные такие опросники. Сбор данных о том, не было ли у кого-то в семье судимостей и злокачественных заболеваний. Похоже на нефтяную отрасль... И договор мне дали прочесть. Обычный такой договор, ничего особенного. Ну и форма секретности... Но ведь это и на любом заводе требуется, ведь так? Ну, по крайней мере на таком, который раньше был государственным... Опять же, копия договора осталась у меня, и я не нашёл подвоха. И потом... Я ведь, в общем-то, живу довольно замкнуто, совершенно один... Наверное, мне просто захотелось приключений...

Айджан с Рейко переглянулись, а Первый с Ханни едва не прыснули со смеху.

– Сайт можно и подделать... – задумчиво протянул Фид. –

¹⁸ Хэд-хантер (от англ. «head hunter» – «охотник за головами») – специалист по подбору высококвалифицированных кадров на ключевые должности.

Скажите, а эта фирма заявляла, что работает на государство? Сайт был посвящён СЛОМу?

– Н-нет... Другое... «Негосударственный исследовательский институт социальных механизмов. Филиал для работы с издательствами и образовательными учреждениями». Как раз, получается, моя область. На сайте было вывешено объявление, что им нужен переводчик широкого профиля для работы над экспериментальными проектом. «Работа с выездом за границу в непосредственном контакте с носителями языка». И когда я дал своё предварительное согласие, объявление с сайта тут же убрали.

Первый и Ханни с трудом сдерживались, чтобы не заржать. Леонид Павлович покраснел, уткнувшись глазами в стол. На его сухеньких морщинистых щеках выступили красные пятна.

– Ну, знаете... Когда нет карьерных перспектив...

Тут Айджан впилась в него взглядом и вдруг что-то произнесла на экзотической смеси шипяще-гортанных звуков, которые, как понял Первый, и являлись казахским языком.

Леонид смутился ещё сильнее, но что-то ей неуклюже ответил. Айджан рассмеялась, кивая, и добавила уже на понятном:

– И сама-то я родной язык подзабыла... Но кое-что ещё помню. Так что оба мы можем друг-друга поднатаскать... Если это нужно им...

Первый встретились взглядом с Ханни. Если бы они с ней

тоже знали иностранный язык и были бы уверены в том, что у СЛОМа нет в штате других переводчиков, то могли бы общаться скрытно. Но увы, таких знаний не было по крайней мере у Первого.

Ну а третий «мужик», как выразилась недавно Айджан, оказался как раз-таки самым обычным взломщиком сейфов. Слегка «пришибленный» парень с бегающими вороватыми глазками. За столом он держался даже тише Фида. Но если айтишник вёл себя так от природной застенчивости, а потом и вовсе освоился в компании Ханни и Первого, то у новичка это было скорее профессиональной привычкой.

Взломщика звали Женя, по кличке, естественно, Джон. И он понимал, что с Ханни, Первым и Айджан лучше не шутить. Так что Женя сразу прибил к другому новичку. Словно хвостик привязался к спокойному, умному и довольно лояльному Фёдору, в котором при всём этом чувствовалась расчётливо скрываемая сила. А к тому же этим двоим предстояло работать вместе. Ясно было, что у «пациентов» образовались этикие рабочие двойки. Айтишники – Рейко и Фид, солдаты – Ханни и Первый. Думалось, что к ним присоединится Айджан, но теперь её, кажется, можно было ставить в связку к Леониду Павловичу – специалисту по иностранным языкам. Ну и Фёдор с Джоном – мастера по воровству и взлому.

Глава 5. Подготовка

Вот так и состоялось окончательное знакомство членов группы и началась их подготовка к аванюре, за которую кому-то из них обещали огромные деньги, а кому-то – покой и свободу. Например, в палату Первого вскоре заявился сам Кэп с клятвенными заверениями в том, что стараниями СЛОМа парень получит гражданство, достойное имя и (о, чудо!) собственную жилплощадь. Правда, Первый подозревал, что если бы его отпустили на все четыре стороны, он мог бы обратиться за этим в какую-нибудь миграционную службу или общество социальной защиты. Но, конечно же, его не отпустят. Уж точно не в трезвом рассудке, с ясной памятью обо всём этом.

Поэтому к господину исполнительному директору СЛОМа кличка Кэп как-то не привязалась. Вместо этого члены группы, хоть и понимали, что их разговоры записывают, но совершенно естественно, не сговариваясь, стали звать его просто Хитрый. Это добавляло веселья в их обречённо-лихую жизнь на полном пансионате у фирмы с грифом высочайшей секретности, у которой имелся якобы некий тайный контракт с правительством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.